ПОМНИ ПРАВДУ

ИЗДАНІЕ
СОЮЗА РЕВНИТЕЛЕЙ
СВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

ПОМНИ ПРАВДУ

МЫ БОРЕМСЯ ЗА ПРАВДУ
(ПРЕДИСЛОВІЕ)

Мы, живущіе на чужбинѣ, — сыны изгнанія, представляемъ послѣдніе остатки Императорской Россіи, которые видѣли и пережили Славу, Величіе, благоденствіе и мирное процвѣтаніе Державы Россійской. Съ нашимъ уходомъ изъ жизни, никто не сможетъ разсказать, какъ жилъ русскій народъ под Скипетромъ Христіаннѣйшаго Царя ИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА. **Эту правду должны повѣдать нашимъ потомкамъ мы, пока еще не сомкнулись наши уста.**

Мы были участниками великой грозовой эпохи 1-й Міровой Войны, когда на боевыхъ поляхъ лилась русская кровь за ВѢРУ, ЦАРЯ и ОТЕЧЕСТВО. Мы находились уже наканунѣ побѣдоноснаго конца этой войны. Солнце славы озаряло наши знамена. Мы заплатили за грядущую побѣду огромную цѣну. Мы потеряли убитыми, без вѣсти пропавшими и ранеными шесть милліоновъ человѣкъ.

Эти жертвы были принесены русскимъ народом втунѣ. Побѣду, близкую и опредѣленную, у насъ вырвалъ нашъ преступный, сюсюкающій, тылъ. На нашихъ глазахъ пала въ бездонную пропасть Россійская Держава. На мѣстѣ древнихъ князей, царей и императоровъ возсѣлъ красный, чудовищный, съ кровавыми глазами, вампиръ. «Онъ человѣкоубійца былъ искони и отецъ лжи»... Во славу его были принесены, и приносятся до сихъ поръ, безчисленныя человѣческія жертвы. Кровью залита Русская Земля. Всѣ города и веси, села и деревни окроплены священной жертвенной кровью. Въ моряхъ крови и слезъ потонула Святая Русь, какъ потонулъ древній градъ Китежъ.

Неисчислимыя бѣды пережилъ и переживаетъ русскій народъ. Нравственная гниль, подонки и политическая чернь стали во главѣ великой страны. Харя предателя, преступника и озлобленнаго раба украсила стѣны, заборы и общественныя зданія бывшей Россійской Имперіи. Случилось то, что предсказалъ Іоаннъ Богословъ въ «Откровеніи».

Надъ хаосомъ разрушенія, надъ муками, которымъ нѣтъ предѣла, надъ залитыми кровью площадями, среди воющаго урагана революціи, въ самомъ началѣ ея, раздался одинокій, страшный крикъ голоднаго, затравленнаго человѣка — философа Василія Розанова:

«Россія пуста! Боже, Россія пуста! Продали, продали, продали... Государственная Дума продала народность, продала вѣру, продала земли, продала родину... Продала, какъ бы Россія была ея крѣпостной рабой. Она вообще продала все, что у нея торговали и купили. И что поразительно: она нисколько себя не считаетъ виновной и «кающагося дворянина» въ ней нѣтъ. Она и до сихъ поръ считаетъ себя правою и вполнѣ невинною».

Слова Розанова мы можемъ повторить сегодня съ такимъ же основаніемъ и правомъ, как онъ ихъ сказалъ въ роковые дни, когда начался бунтъ безсмысленный и безпощадный. То ли наши «пѣвцы гражданской скорби» люди глухіе и слѣпые, то ли они люди горбатые, кривые и оглашенные, но они и до сихъ поръ предаютъ поношенію наше русское прошлое, считаютъ себя борцами за свѣтлое будущее, а старую Россію — царствомъ кнута и нагайки. Можно подумать, что они не слышатъ воплей и стоновъ русскаго народа, который они толкнули в пучину бѣдъ. Они бѣлые чистые голуби, на нихъ нѣтъ ни капельки чужой крови...

Мы зовемъ всѣхъ русскихъ людей къ покаянію, къ признаію своихъ вольныхъ и невольныхъ ошибокъ, заблужденій и прегрѣшеній, къ духовному просвѣтленію, обновленію и чистотѣ.

Да возсіяетъ Солнце Правды надъ Русской Землей. Да возстановятся: миръ, свобода, право, счастье и благополучіе. ДА ВОСКРЕСНЕТЪ СВЯТАЯ РУСЬ.

Вотъ этимъ короткимъ предисловіемъ я хотѣлъ предварить книгу, издаваемую СОЮЗОМЪ РЕВНИТЕЛЕЙ СВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ ИМПЕРАТОРА-МУЧЕНИКА. Мы сказали въ ней только правду. Мы считали-бы для себя безчестіемъ молчать или говорить ложь.

С. ПОЗДНЫШЕВЪ.

«МНѢ ОТМЩЕНІЕ И АЗЪ ВОЗДАМЪ»

Докладъ Н. М. Языкова на траурномъ собраніи 14 іюля 1963 г. въ Парижѣ

Не боюсь того, что скажу нѣчто сверхъ истины, а напротивъ того, что не выскажу истину, ибо гдѣ найти слова, достаточно яркія, огненныя слова правды, чтобы въ короткій промежутокъ времени, достойно разсказать вамъ о болѣе чѣмъ 22-хъ лѣтнемъ Царствованіи Императора Николая II-го, **о Его Служеніи Россіи,** о Его Мученической кончинѣ, со всей Его Августѣйшей Семьей и вѣрными слугами и о неисчислимыхъ бѣдственныхъ послѣдствіяхъ для всего міра послѣ паденія Россійской Монархіи.

Перенесемся мысленно на полвѣка назадъ и посмотримъ чѣмъ же было Царствованіе послѣдняго Русскаго Императора.

Всѣ причастные къ революціи люди, и главнымъ образомъ, Совѣтское коммунистическое правительство, очень искусстно и умѣло распространяютъ ложную легенду о томъ, что до ихъ прихода къ власти, въ Россіи почти ничего не было, что это была отсталая во всѣхъ отношеніяхъ страна, и что имъ чуть не пришлось начинать все съ начала. Всѣ эти революціонныя заявленія, **принимаемыя невѣжественными иностранцами** за правду, — есть чистѣйшая ложь, прикрывающая безсиліе и неудачи революціи, всю нелѣпость совѣтской политики, неорганизованность и безсмысленность различныхъ мѣропріятій коммунистическаго правительства.

Я не буду утруждать ваше вниманіе перечисленіемъ всего того, что было сдѣлано во всѣхъ областяхъ экономической, соціальной и культурной жизни Россіи, но приведу вамъ лишь

нѣсколько краснорѣчивыхъ цифръ, разсказавъ подробнѣе объ аграрной политикѣ и переселенческомъ движеніи въ Сибирь.

1) Увеличеніе народонаселенія Россіи за 20 лѣтъ царствованія Императора Николая II-го со 125 милліоновъ до 175 милліоновъ — на 50 милліоновъ человѣкъ. Этотъ приростъ населенія свидѣтельствовалъ о жизненной силѣ націи и о наличіи условій, дающихъ возможность прокормить возрастающее число жителей Имперіи.

2) Государственные доходы съ 1.410 милліоновъ въ 1897 году на 3.417 милліоновъ въ 1913 году.

3) Самые низкіе налоги въ мірѣ: прямые 3 рубля, косвенные 6 рублей (Германія 13-16, Франція 12-11, Англія 26-16).

4) Увеличеніе золотого запаса Имперіи съ 687 до 2.300 милліоновъ золотыхъ рублей. Безболѣзненное введеніе золотого обращенія въ 1897 году.

5) Урожай хлѣбовъ поднялся съ 2 милілардовъ пудовъ на 4 милліарда въ 1913 году.

6) Выплавка чугуна поднялась съ 25 милліоновъ пудовъ въ 1890 году до 378 милліоновъ пудовъ въ 1913 году.

7) Добыча угля съ 259 милліоновъ въ 1885 г., до 2.159 милліоновъ въ 1913 году.

8) Добыча нефти, несмотря на потерю въ Баку, увеличилась на 65 %, достигнувъ 600 милліоновъ пудовъ въ 1913 году.

9) Добыча мѣди повысилась на 375 %.

10) Добыча марганца повысилась на 364 %.

11) Употребленіе сахара повысилось съ 4 кило до 9 кило на душу населенія въ годъ.

12) Употребленіе чая повысилось съ 40 милліоновъ кило до 75 милліоновъ кило въ годъ (1913).

13) Добыча лѣса въ 1913 г. составляла 80 % мірового производства.

14) Добыча хлопка увеличилась на 388 %.

Россійская Имперія имѣла 74.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, включая Великій Сибирскій путь съ его грандіознымъ политическимъ, военнымъ, экономическимъ и культурнымъ значеніемъ. Необходимо также упомянуть о грандіозной постройкѣ Мурманской ж. д., длиною въ 2.000 верстъ, построенной съ рекордной скоростью, во время войны 1914-1916 года. Не забудемъ также грандіозный проектъ уже «провѣшенной» Туркестанско-Сибирской ж. д., **использованный** большевиками, какъ и многіе другіе проекты развитія жел. дорогъ и выдаваемые за ихъ собственныя достиженія.

Телеграфныхъ проводовъ въ 1894 году было 32.000 верстъ, въ 1910 году — 66.000 верстъ.

Пароходовъ въ 1895 году было 2.539, въ 1906 — 4.317.

Параллельно съ этимъ, при самомъ активномъ участіи Правительства, быстрымъ темпомъ шло развитіе Россійской промышленности. «Съ конца XIX вѣка промышленное развитіе Россіи происходило быстрѣе, чѣмъ въ любой другой странѣ» (Ленинъ). Это развитіе промышленности привлекло въ города и на фабрики большое количество рабочихъ. Конечно, положеніе рабочихъ не было легкимъ и идеалистическимъ; условія жизни ихъ были суровы и трудны, также, какъ и въ Англіи, какъ и въ Германіи и во Франціи и всюду въ то время. Но оно постепенно улучшалось; уже со временъ Екатерины Великой было издано, первое въ мірѣ законодательство, запрещавшее ночной трудъ дѣтей и женщинъ.

Позднѣе были введены рабочія инспекціи, а съ 1912 года Соціальное страхованіе. Американскій президентъ Тафтъ сказалъ русскому дипломату: «Вашъ Императоръ сдѣлалъ рабочее законодательство болѣе совершеннымъ, чѣмъ тѣ, которыми могутъ похвалиться демократическія страны».

Народное образованіе въ Царствованіе Императора Николая II-го достигло необыкновеннаго развитія. Бюджетъ народнаго образованія, бывшій въ началѣ Царствованія около 40 милліоновъ рублей, къ 1914 году достигъ 400 милліоновъ рублей,

совмѣстныхъ расходовъ Государства, земства и городовъ. Указъ объ обязательномъ начальномъ образованіи, изданный въ 1908 году, предусматривалъ **полное уничтоженіе безграмотности къ 1928 году.** Къ 1913 году число начальныхъ школъ достигло 130.000 и все это безъ концентраціонныхъ лагерей и другихъ дикихъ эксцессовъ революціи.

Въ своей книгѣ «Russian Classics in Soviet jackets» Maurice Friedberg (изданіе Columbia Uuniversity Press) пишетъ, что въ 1913 году Россія по выпуску книгъ стояла на 2-мъ мѣстѣ: 34.000 заглавій, вышедшихъ въ Россіи за одинъ годъ — 109 милліоновъ экземпляровъ тиража. Если вспомнить, что къ 1928 году вся Россія должна была стать грамотной, безъ революціи и безъ связанныхъ съ ней издержекъ, то всѣмъ понятно, что за 50 лѣтъ, т. е. къ 1963 году, **при всякомъ нормальномъ развитіи,** эта цифра возросла бы на много разъ. На дѣлѣ, при совѣтской власти, она **всего только удвоилась,** считая огромное количество пропагандно-партійныхъ брошюръ, никакого отношенія къ литературѣ неимѣющихъ. Русскіе, самые жадные читатели, возвращаются къ старымъ классикамъ. Увлеченіе старой литературой отвѣчаетъ потребности знать историческую правду и теперь очень многіе убеждаются, что соціальныя и экономическія условія въ дореволюціонной Императорской Россіи, были совсѣмъ не такъ плохи, какъ убѣждаетъ революціонная пропаганда, что отношенія между людьми были тогда болѣе естественными и болѣе теплыми, чѣмъ послѣ революціи и при коммунизмѣ.

Но самымъ главнымъ вопросомъ, стоявшимъ передъ Императорскимъ Правительствомъ, вопросомъ первостепенной важности, являлось разрѣшеніе невѣроятно сложной аграрной политики. Какъ мы видѣли, приростъ крестьянскаго населенія былъ необыкновенно высокъ, а количество земли, во владѣніи крестьянъ, оставалось приблизительно то же. Кромѣ того, эта земля не была частной собственностью крестьянина, а являлась общиннымъ землепользованіемъ, не дававшимъ отдѣльному земледѣльцу возможности проявлять хозяйственную иниціативу.

Русскія политическія партіи, особенно лѣвыя, не имѣя сами ни одного маломальски разумнаго и разработаннаго проекта разрѣшенія аграрнаго вопроса, сдѣлали изъ него предметъ безоглядочной демагогіи и безсовѣстной критики. Такъ, соціалъ-революціонеры, предлагали просто напросто «черный передѣл», т. е. немедленной передачи всей земли крестьянскимъ общинамъ, даже не отдѣльнымъ владѣльцамъ, что являлось чистымъ абсурдомъ, сплошной и дешевой демагогіей и должно было привести Россію къ полной анархіи и параличу всей экономики страны. Одно лишь Императорское Правительство имѣло дѣйствительно разумную и умѣло разработанную аграрную программу, умѣло связанную со всей экономикой Имперіи.

1. Основнымъ принципомъ закона 9 Ноября 1906 года было разрѣшеніе **свободнаго выхода изъ общинъ** и **установленія личной крестьянской собственности на землю** — личной, а не семейной. Процессъ этого былъ медленнымъ и сложнымъ, **но вѣрнымъ.** За первыя 5 лѣтъ реформы поступило прошеній отъ 2.653.000 домохозяевъ. Къ 1-му Мая 1916 года были выдѣлены участки 1.358.000 домохозяевъ съ 13.833.000 десятинъ (8 % всей площади крестьянскихъ земель. Въ это число, однако, еще не входили земли, закрѣпленныя въ собственность за крестьянами, безъ передѣла (1.715.000 десятинъ).

2. Дѣятельность Императорскаго Правительства въ аграрной политикѣ не ограничилась проведеніемъ въ жизнь закона 9-го Ноября. Многіе помѣщики желали продать свои земли крестьянамъ и многіе крестьяне желали купить эту землю у своихъ «господъ», но у крестьянъ не было достаточно наличныхъ денегъ, чтобы произвести эту покупку. Здѣсь на помощь крестьянамъ пришелъ Крестьянскій Земельный Банкъ, учрежденный еще въ Царствованіе Императора Александра III-го. Крестьяне покупали землю у своихъ помѣщиковъ при помощи этого банка. При покупкѣ земли они вносили небольшой авансъ, остальную сумму Крестьянскій Земельный Банкъ уплачивалъ помѣщику обязательствами Кр. Зем. Банка; такимъ образомъ, крестьяне

покупали землю, становясь должниками этому банку. Условія кредита были самыя льготныя: разсрочка на 50 лѣтъ изъ 2 % годовыхъ. Крест. Зем. Банкъ скупалъ для этой цѣли частновладѣльческія земли. За 14 мѣсяцевъ, съ 1-го Января 1906 года было куплено 7.617 имѣній съ 8.700.000 десятинъ. Такимъ образомъ, частновладѣльческія земли, въ добровольномъ порядкѣ и безболѣзнено переходили въ личную и частную собственность крестьянамъ.

3. Съ помощью Переселенческаго Управленія Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія, было организовано, въ добровольномъ, а не принудительномъ порядкѣ, какъ у коммунистовъ, переселеніе крестьянъ-земледѣльцевъ въ Сибирь, на новыя земли. Переселенческое движеніе въ Россіи было явленіемъ колоссальной важности, о которомъ, къ сожалѣнію, общество слишкомъ мало знало, и которымъ слишкомъ мало интересовалось. За годы 1896-1905 переселилось 913.000 человѣкъ, за годы 1905-1910 — 2.607.780 человѣкъ, а за все время до войны 4.500.000 человѣкъ. Ни въ одной европейской странѣ нельзя было встрѣтить ничего подобнаго. Это движеніе нельзя сравнить съ эмиграціей въ чужія страны; тамъ люди ѣдутъ служить чужой странѣ и чужому капиталу въ качествѣ наемниковъ. Въ Россіи ѣдутъ на свою землю и въ качествѣ хозяевъ. Ѣдутъ создавать новыя земли, творить новый міръ изъ хаоса первобытныхъ лѣсовъ и дикихъ степей. **Это было величавое и удивительное Государственное явленіе, достойное всяческаго вниманія и уваженія** и когда вникнешь въ суть переселенческаго движенія, то становится просто страшно передъ пространственнымъ величіемъ нашей Родины. Эта такая мощь земли, такая власть пространства, почти неисчерпаемаго, что кажется, что Россія занимает весь міръ и что нѣтъ такой силы, которая можетъ остановить это шествіе культуры и Государственной мощи Русскаго Царства.

Переселенеімъ въ Сибирь достигалась тройная цѣль: ослабленіе земельнаго голода въ центрѣ Россіи, заселеніе надежнымъ

русскимъ элементомъ окраинъ государства и содѣйствіе скорѣйшему освоенію и процвѣтанію этого богатѣйшаго края Имперіи. Центромъ колонизаціоннаго района былъ Алтайскій округъ, составлявшій личную собственность Царствующаго Императора. Указомъ 16 Сентября 1906 года Императоръ приказалъ передать всѣ удобныя земли Алтайскаго округа Переселенческому Управленію для устройства безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ Европейской Россіи. Такимъ образомъ **25 милліоновъ** десятинъ было лично дано Императоромъ для переселенія крестьянъ. Гдѣ и когда какой либо властитель, президентъ или правитель сдѣлалъ подобный даръ своему народу и **кто объ этомъ зналъ въ Россіи.** Эти земли продавались крестьянамъ **по 4 рубля** за десятину съ разсрочкой на 49 лѣтъ. Государство обратило усиленное вниманіе на развитіе высшаго, средняго и низшаго агрономическаго образованія, организовывались показательныя поля, разводился племенной скотъ, проводилось плановое лѣсонасажденіе, **тысячи** землемѣровъ работали для нарѣзки участковъ земли. Всѣ эти работы выражались въ колоссальныхъ цифрахъ. Такъ землеотводнымъ отдѣломъ было уже отведено для переселенцевъ свыше 36-ти милліоновъ десятинъ. Въ милліонных же масштабахъ производились различныя обслѣдованія, гидротехническія работы, осушка болотъ, устройство колодцевъ. Въ одномъ только ботаническомъ отношеніи было изслѣдовано 65 милліоновъ десятинъ.

Законъ 6 Іюня 1906 года не мало способствовалъ усиленію переселенческаго движенія, такъ какъ давало право свободнаго переселенія сельскихъ обывателей на казенныя земли Азіатской Россіи. Каждая крестьянская семья имѣла право, по соблюденіи нѣкоторыхъ формальностей, переселяться въ Сибирь, пользуясь при этомъ многочисленными льготами. Правительство помогало переселенцамъ буквально на каждомъ шагу, какъ до ихъ водворенія на новыхъ мѣстахъ, такъ и при водвореніи. Переселенцы пользовались чрезвычайно пониженнымъ желѣзнодорожнымъ и пароходнымъ тарифомъ; переселенческій билетъ отъ Харькова до Омска стоилъ всего 4 рубля 40 коп.,

вмѣсто билета 3-го класса, стоившаго 17 руб. 60 коп. Стоимость проѣзда цѣлой переселенческой семьи, **съ 40 пудами багажа,** отъ Харькова до Омска стоила всего 24 рубля 30 коп., вмѣсто обычной стоимости билетовъ для такой же семьи и багажа въ 229 руб. 11 коп. Переселенцы перевозились въ вагонахъ 4-го класса съ удобными нарами и отопленіемъ. **Сравните этотъ переѣздъ** со звѣриными способами перевозки «кулаковъ» въ сталинскія времена, зимой, въ нетопленныхъ вагонахъ биткомъ набитыми людьми, половина которыхъ умирала отъ холода и голода въ дорогѣ. Императорское Правительство, въ лицѣ Переселенческаго Управленія, устраивало во всѣхъ передаточныхъ пунктахъ бараки для ночлега, бани, питательные пункты, больницы, церкви. На мѣстахъ переселенія строились школы. Было устроено 22 казенныхъ зернохранилища, выдававшихъ переселенцамъ зерновую ссуду на осѣмененіе; сельскохозяйственные склады машинъ и земледѣльческихъ орудій, все продававшихъ по льготнымъ цѣнамъ въ разсрочку. Были учреждены товаро-продовольственныя лавки, продававшія всевозможные товары. Въ 1910 году имѣлось 345 пунктовъ врачебной помощи съ 73 врачами и сотнями фельдшеровъ. Такъ создавалась и крѣпла на новыхъ мѣстахъ новая Государственная культура и мощь. И милліоны десятинъ земли, колоссальныя площади, равныя цѣлымъ государствамъ, пріобщались къ государственной и экономической жизни Великой Россійской Имперіи.

Императоръ Николай II-й былъ иниціаторомъ многихъ экономическихъ, соціальныхъ и земельныхъ реформъ. При поддержки Его Державной воли Имперія шла гигантскими шагами къ прогрессу, благоденствію народа, къ развитію богатства страны и всеобщаго благополучія. Вся политика Царя была направлена такимъ образомъ, чтобы одновременно повышать и благополучіе каждаго и національное богатство и могущество Россіи. И вся эта сложная, кропотливая, **въ порядкѣ эволюціонной постепенности,** работа Императорскаго Правительства и общественныхъ органовъ, проходила подъ дикій свистъ и улюлюканіе **невѣжественной лѣвой общественности** въ Государствен-

ной Думѣ, въ печати, на митингахъ и пр., гдѣ слились воедино демагогія, невѣжество и жажда «великихъ потрясеній», о которыхъ такъ красочно и пророчески сказалъ П. А. Столыпинъ.

Еще А. С. Пушкинъ писалъ въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка:

«Конечно, должны еще произойти великія перемѣны; но **не должно торопить времени,** и безъ того довольно дѣятельнаго. Лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ одного улучшенія нравовъ, **безъ насильственныхъ потрясеній политическихъ, страшныхъ для человѣчества».**

Наша лѣвая общественность, всѣ эти революціонно настроенные политическіе недоросли и лгуны, **забыли эти слова,** забыли также то, что Пушкинъ писалъ: «Не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ безсмысленный и безпощадный. Тѣ, которые замышляютъ у насъ невозможные перевороты, или молоды и не знаютъ нашего народа, или ужъ люди жесткосердные, которымъ и своя шейка — копѣйка, и чужая головушка — полушка».

Если наши доморощенные Маниловы и крикуны изъ лѣвой общественности не смогли достойнымъ образомъ оцѣнить пользу всѣхъ реформъ Императорскаго Правительства и огромный, небывалый разцвѣтъ Русской жизни во всѣхъ областяхъ, посмотримъ, что говорили объ этихъ реформахъ и объ этихъ поразительныхъ успѣхахъ во всѣхъ областяхъ жизни Имперіи, иностранцы и нѣкоторые ученые.

Редакторъ французскаго научнаго журнала «Economiste Européen», M. Edmon Théry, въ своей книгѣ «La Transformation économique de la Russie», изданной в Парижѣ въ 1914 году, писалъ: «Если дѣла европейскихъ націй будутъ съ 1912 по 1950 годъ итти также какъ они шли съ 1900 по 1912 годъ, то Россія, къ серединѣ текущаго вѣка, будетъ господствовать надъ Европой, какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ и финансовомъ отношеніи».

Нѣмецъ Прейеръ (W. D. Preyer. «Die Russische Agrarreform», 1914), въ своей книгѣ о значеніи русской аграрной

реформы, отмѣчая ея успѣхи и значеніе, писалъ, что реформы были переворотомъ «не отступающимъ по своему значенію отъ освобожденія крестьянъ». То же писалъ и датчанинъ Витъ-Кнудсенъ. Извѣстный англійскій писатель, Морисъ Бэрингъ, много лѣтъ жившій въ Россіи и хорошо ее знавшій, писалъ въ своей книгѣ «Основы Россіи» (1914 г.): «Не было, пожалуй, еще никогда такого періода, когда Россія болѣе процвѣтала матеріально, чѣмъ въ настоящій моментъ, или когда огромное большинство народа имѣло, казалось бы, меньше основаній быть недовольнымъ».

Изъ русскихъ, извѣстный профессоръ Бердяевъ писалъ: «Въ Россіи въ началѣ вѣка былъ настоящій культурный ренессансъ. Только жившіе въ это время знаютъ, какой творческій подъемъ у насъ былъ. Традиціонное міросозерцаніе лѣвой интеллигенціи пошатнулось. Владиміръ Соловьевъ побѣдилъ Чернышевскаго!».

Наконецъ, извѣстный французскій поэтъ и писатель Поль Валэри, въ своемъ дневникѣ писалъ, что онъ знаетъ только три чуда во всеобщей исторіи: «Древняя Эллада, Итальянскій Ренессансъ и Россійская Имперія».

Какъ же могло случиться, что это «Чудо Міра», эта величайшая Имперія пала?

Корень зла былъ въ глубокой розни между властью и значительной частью образованнаго общества. Русская интеллигенція относилась къ власти съ опредѣленной враждебностью, была загипнотизирована западной цивилизаціей. Строить и совершенствовать огромнѣйшее Государство при враждебномъ отношеніи значительной части образованнаго общества — было задачей исключительной трудности. Духъ охраненія Государства былъ слабъ. Русская Императорская власть не имѣла склонности къ саморекламѣ. Ея дѣятельность нерѣдко оставались въ тѣни, тогда какъ неудачи и слабыя стороны старательно расписывались ея врагами, съ мнимой объективностью, на страницахъ печати и противъ лучшихъ реформъ правительства лѣвая общественность предпринимала тактику оклеветанія, замалчи-

ванія и брызганія ядовитой слюной. Въ то же время, заграницей, русскими политическими эмигрантами распространялись совершенно ложныя представленія о Россіи, считая ее «царствомъ кнута, цѣпей и ссылки въ Сибирь». Эти политическіе лгуны и нечестные люди забывали, что на самомъ дѣлѣ въ Россіи дѣйствовали весьма мягкіе и гуманные законы, что русскій судъ стоялъ на большой высотѣ, и что административно высылаемымъ въ Сибирь, не имѣвшихъ личныхъ средствъ, выдавалось казенное пособіе. Такъ, Ленинъ, будучи въ ссылкѣ въ Сибирѣ, жилъ въ отдѣльной избѣ, являясь только разъ въ недѣлю для регистраціи въ полицію, получалъ на жизнь казенное пособіе, получалъ всю свою корреспонденцію, иностранныя и русскія газеты и ходилъ съ ружьемъ на охоту на куропатокъ...

Всѣ эти господа революціонеры Ленины, Троцкіе-Бронштейнъ, Сталины, Свердловы, Стекловы-Нахамкесы и многіе прочіе прекрасно дожили до революціи, въ то время какъ при совѣтскомъ режимѣ всѣ ихъ политическіе враги и **милліоны** невинныхъ людей были просто растрѣляны или физически уничтожены въ революціонныхъ тюрьмахъ и безчисленныхъ концентраціонныхъ лагеряхъ. **Кто можетъ хоть немножко честно думать — пусть сравнитъ!..** Присяжный повѣренный, Василій Ржевскій, въ русскомъ журналѣ «За Право и Правду» (Вѣстникъ Объединенія Русскихъ Юристовъ быв. Ди-Пи въ Америкѣ) пишетъ: «Русская интеллигенція, находясь подъ гипнозомъ европейской цивилизаціи, отожествляла ее съ культурой, страдала идеализаціей и ложными представленіями о качественномъ уровнѣ западной демократіи, о дѣйствительной сущности и цѣнности нѣкоторыхъ политическихъ учрежденій, о западномъ демократизмѣ для своихъ и презрѣніи и попираніи всѣхъ демократическихъ основъ въ отношеніи къ другимъ народамъ имъ подвластнымъ. Это увлечеіне западничествомъ приводило къ утратѣ національной самобытности и ложному пониманію національныхъ задачъ и національныхъ нуждъ и влекло за собой катастрофическое паденіе настоящаго патріотизма. Насущные интересы Государства и народа приносились въ жертву непро-

вѣреннымъ книжнымъ идеямъ и слѣпому поклоненію западнымъ образцамъ, безъ учета и знанія всей сложности механизма государственнаго управленія и имѣвшихся у власти средствъ и возможностей.

Къ великому сожалѣнію и обидной гримасѣ исторіи, эта, по существу не плохая русская интеллигенція, въ годы тяжелой борьбы правительства со всѣми препятствіями и трудностями, мѣшавшими къ выходу на широкую блестящую дорогу, являлась, въ большинствѣ случаевъ тормозомъ для правительства, а не его нужнымъ ближайшимъ помощникомъ.

Къ несмываемому нашему стыду и горю россійская интеллигенція не выдержала экзаменъ на политическую зрѣлость и ввергла народъ въ невиданныя страданія и муки, а своего благороднаго Государя послала на Голгофу».

Наши радикалы показали свое полное неуваженіе къ исторіи Россіи и боролись они не изъ-за реформъ, проведеніе которыхъ почитало своей обязанностью Правительство, а за разрушеніе самой Государственности, крушеніе Монархіи и введеніе соціалистическаго строя.

Съ перваго дня своего царствованія, и даже раньше, еще будучи наслѣдникомъ, Императоръ Николай II-й удѣлялъ особое вниманіе азіатской миссіи Россіи. Если бы Онъ любилъ громкія фразы и театральные жесты, Онъ могъ бы сказать, выражая основную мысль своей политики: «Будущее Россіи въ Азіи». Еще великій русскій ученый, Ломоносовъ, сказалъ: «Россійское могущество приростать будетъ Сибирью и Сѣвернымъ Океаном». Населеніе Азіатской Россіи за 20 лѣтъ Царствованія Императора иколая II-го возросло съ 12 до 21 съ половиной милліоновъ.

Большая Азіатская политика Императора, оцѣненная по настоящему иностранной дипломатіей, встрѣчала полное непониманіе въ русскомъ обществѣ, которое что-то лепетало о «Манджурской авантюрѣ» и искало причинъ Русской политики на Дальнемъ Востокѣ въ матеріальной заинтересованности какихъ-

то «царскихъ сановниковъ и адъютантовъ» въ лѣсныхъ концессіяхъ на Ялу и въ Корѣе. Въ виду неизбѣжности войны съ Японіей эти концессіи, расположенныя преимущественно въ районѣ пограничной рѣки Ялу, открывали возможность не только изучать мѣстность, но и подготовлять нѣкоторую передовую оборонительную линію, заслонъ передъ Манджурской границей. Объ этихъ стратегическихъ задачахъ, разумѣется нельзя было открыто писать и говорить. Русская лѣвая общественность, по своей глупости и невѣжеству не интересовавшаяся историческими задачами Россіи, только кричала о выгодныхъ концессіяхъ, которыя «жадная придворная клика» никакъ не хочетъ отдать Японіи, хотя бы это грозило Россіи войной. Какъ подтвержденіе невѣжества нашихъ радикаловъ можно привести напечатанное въ «Красномъ Архивѣ» совѣтской арміи слѣдующую выписку: «Нѣтъ болѣе убогаго взгляда на вопросъ ,чѣмъ взглядъ буржуазныхъ радикаловъ, сводившихъ все дѣло къ концессіямъ на Ялу. Концепція объ авантюрахъ различныхъ придворныхъ кликъ является не только недостаточной, но и убогой».

Рѣдко, когда война была въ такой мѣрѣ борьбой за будущее Россіи — какъ русско-японская война. Американскій лѣтописецъ русско-японской войны — С. Гейлеръ писалъ:

«Россія должна была найти свой собственный выходъ къ свободнымъ гаванямъ Печелійскаго залива, иначе всѣ труды и жертвы долгихъ лѣтъ оказались бы безплодными и Великая Сибирская Имперія осталась бы гигантскимъ тупикомъ».

Убійственную характеристику лѣвой русской общественности и ея традиціоннаго міровоззрѣнія далъ сборникъ «Вѣхи», вышедшій въ Москвѣ въ 1909 году, подъ редакціей семи авторовъ, хорошо уже извѣстныхъ къ тому времени въ Россіи. «Лѣвая интеллигенція, писалъ профессоръ Н. Бердяевъ, была кружковой интеллигенціей, она обладала убогостью и односторонностью мысли, имѣла низкій уровень философской культуры, принимая только ту философію которая санкціонировала соціальные и соціалистическіе идеалы и благопріятствовала борьбѣ съ самодержавіемъ. Всякая иная философія отвергалась зара-

нѣе. Субъективная интеллигентская правда была дороже объективной философской истинѣ».

Сергѣй Булгаковъ писалъ, что отъ западно-европейскаго просвѣтительства русская интеллигенція восприняла только его атеизмъ и человѣкобожество, ложно почувствовала себя единственной носительницей «свѣта и образованности» въ Россіи и стояла по отношенію къ русской исторіи въ позиціи вызова и борьбы. Главной чертой этого вызова былъ максимализмъ цѣлей и средствъ и законченнымъ типомъ этого «героическаго максимализма» сталъ недоучившійся лохматый студентъ и полуинтеллигентъ, нахватавшійся поверхностныхъ знаній изъ революціонныхъ брошюръ. Простой русскій народъ, тамъ гдѣ онъ небылъ затронутъ фабрикой и революціонной пропагандой, обладалъ еще Свѣтомъ Христовымъ и былъ, несмотря на свою неграмотность — просвѣщеннѣе своей интеллигенціи, почти поголовно атеистической. Русскій народъ не понималъ эту оторвавшуюся отъ его жизни интеллигенцію и ненавидѣлъ ее.

«Каковы мы есть, — писалъ М. О. Гершензонъ, — намъ не только нельзя мечтать о сліяніи съ народомъ, бояться мы его должны пуще всѣхъ казней властей и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждаетъ насъ отъ ярости народной».

Русская учащаяся, но не учащаяся молодежь, въ отличіе отъ западноевропейской молодежи, училась мало и плохо. «Недосатточная трудоспособность, отсутствіе любви къ своей работѣ и профессіи и, главнымъ образомъ, революціонное верхоглядство привели къ тому, что въ Государственной Думѣ огромное большинство депутатовъ, за исключеніемъ трехъ-четырехъ десятковъ кадетъ и октябристовъ, не обнаружили знаній, съ которымъ можно было бы приступить къ управленію и переустройству Россіи» (А. С. Изгоевъ — «Вѣхи»).

Б. Кистяковскій, въ томъ же сборникѣ «Вѣхи» указываетъ на слабость индивидуальной и соціальной дисциплины у русскихъ интелигентовъ и объясняетъ это отсутствіемъ прочнаго правосознанія.

Идейной формой интеллигенціи является безрелигіозное отщепенство отъ государства и враждебность ему, отсутствіе воспитанія и самовоспитанія въ политикѣ **(П. Б. Струве).**

Русскій интеллигентъ, писалъ проф. **С. А. Франкъ,** это непроизводительный культурный типъ, обнаружившій свое полное безплодіе и безсиліе передъ реальными силами жизни, равно какъ и нравственную гнилость нѣкоторыхъ своихъ корней.

Обратимъ теперь нашъ взоръ на свѣтлый образъ послѣдняго Русскаго Царя: Вѣра въ Бога и въ свой долгъ Царскаго Служенія были основой всѣхъ взглядовъ Императора Николая II-го. Онъ былъ человѣкомъ духовно одареннымъ, благороднаго образа мыслей, осмотрительнымъ и тактичнымъ.

Онъ получилъ весьма тщательное образованіе. Онъ владѣлъ въ совершенствѣ иностранными языками. Послѣ обще образовательнаго курса, Онъ получилъ высшее юридическое и высшее военное образованіе, причемъ Его преподавателями были выдающіеся профессора. Онъ обладалъ живымъ умомъ, быстро схватывалъ сущность докладываемыхъ Ему вопросовъ — всѣ, кто имѣлъ съ Нимъ дѣловое общеніе, въ одинъ голосъ объ этомъ свидѣтельствуютъ. Теперь мы можемъ опредѣленно сказать, что Онъ былъ умнѣе всего Временнаго Правительства! У Него была исключительная память, въ частности на лица. Государь имѣлъ упорную и неутомимую волю къ осуществленію Своихъ плановъ. Императоръ Николай II-й — это признаютъ и Его враги — обладалъ совершенно исключительнымъ личнымъ обаяніемъ.

По Своей скромности, Онъ не любилъ торжествъ, громкихъ рѣчей, всего показного, искусственнаго, театральнаго, всей широковѣщательной рекламы. Этикетъ Ему былъ въ тягость. Онъ былъ идеально воспитанъ. «Я въ своей жизни не встрѣчалъ человѣка болѣе воспитаннаго, нежели нынѣ Царствующій Императоръ Николай II-й», писалъ графъ Витте, недолюбливающій Царя. Скромность Его была необыкновенна. Такъ, будучи Верховнымъ Главнокомандующимъ, готовя армію къ побѣдѣ, много разъ появляясь на фронтѣ и даже въ окопахъ, Онъ болѣе чѣмъ

заслужилъ награжденіе Его Орденомъ Св. Георгія 4-ой степени, присужденнымъ Ему Георгіевской Думой Юго-Западнаго фронта, 21-го Октября 1915 года. И вотъ, что, по Своей скромности, Онъ написалъ генералу Иванову въ отвѣтной телеграммѣ:

«Несказанно тронутый и обрадованый **незаслуженнымъ** мною отличіемъ, соглашаюсь носить нашъ высшій боевой орденъ и отъ всего сердца благодарю Васъ всѣхъ Георгіевскихъ кавалеровъ и горячо любимыя Мною войска за **заработаный Мнѣ ихъ геройствомъ и высокой доблестью Бѣлый Крестъ.** Николай».

Это ли не высшее выраженіе скромности человѣка, который стоялъ во главѣ многомилліонной арміи! Императоръ стоялъ выше всѣхъ классовъ, всѣхъ партій, Онъ представлялъ собою «Единство разумной воли», чего нѣтъ въ парламентѣ, гдѣ царствуетъ случайное большинство. А вѣдь вся трудность жизни — въ сосредоточеніи силы и мысли, все зло — въ ея разсѣяніи! Только Царская власть, опиравшаяся на крѣпкія традиціи и долгій опытъ правленія, могла направить жизнь, огромной и многообразной страны, только она, стоявшая внѣ и выше интересовъ отдѣльныхъ группъ и слоевъ населенія, могла проводить глубокія и успѣшныя реформы.

Больше тысячалѣтія Россія была Монархіей — сначала, какъ Великое Княжество, потомъ какъ Царство и Имперія. Еще Пушкинъ писалъ, что Царская власть является наиболѣе Европейскимъ изъ русскихъ учрежденій, можетъ быть единственнымъ Европейскимъ; Россійская Имперія была самой демократической Монархіей въ мірѣ! И только Императорская власть могла вывести Россію на широкій и свѣтлый путь великаго будущаго и всеобщаго благоденствія и дать ей ведущее положеніе въ Европѣ.

«Дайте Государству двадцать пять лѣтъ покоя, внутренняго и внѣшняго, и вы не узнаете нынѣшней Россіи», сказалъ великій патріотъ и государственный человѣкъ — П. А. Столыпинъ, призывавшій всѣ классы къ дружной, общей, основанной на взаимномъ довѣріи, работѣ. Но Провидѣніе не дало этихъ мирныхъ

лѣтъ Государству. Въ 1914 году пришла война, а за ней измѣна — революція и **неумные люди,** захватившіе власть обманомъ, клеветой и насиліемъ, ввергли Великую Имперію въ пропасть безвластія и совѣтскаго безумія!

Одной изъ главныхъ причинъ войны 1914 года, помѣшавшей широкому сожительству Европейскихъ націй, было стремленіе Англіи удержать ускользающее отъ нея господство надъ морями. Были конечно и другія причины, о которыхъ изъ-за недостатка времени, я не буду говорить. Но главной причиной было то, что война была уже рѣшена на засѣданіи ложи Великаго Востока, во Франціи. Паутина была сплетена умѣло и крѣпко.

Императоръ Николай II-й не хотѣлъ войны. Когда 30-го Іюля, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ — Сазоновъ, увѣренный въ неизбежности войны, убѣждалъ Царя издать приказъ объ общей мобилизаціи, Государь взволнованно воскликнулъ: «Подумайте о томъ, что вѣдь это значитъ послать на сметрь тысячи молодых жизней».

Когда всѣ средства къ предупрежденію войны уже были использованы и не достигли цѣли, Императоръ, охраняя достоинство и будущее Россіи, призвалъ народъ на бранный подвигъ, и народъ отвѣтилъ великимъ одушевленіемъ на призывъ своего Царя.

Я лично, имѣлъ честь присутствовать на Высочайшемъ выходѣ въ Николаевскомъ залѣ Зимняго Дворца, когда Государь, обращаясь къ собраннымъ офицерамъ Гвардіи и Петербургскаго Военнаго Округа, благословилъ насъ всѣхъ на ратный подвигъ и, въ нашемъ лицѣ, какъ бы всю Свою армію и флотъ. Здѣсь же Онъ изволилъ сказать: «Я здѣсь торжественно заявляю, что не заключу мира до тѣхъ поръ, пока послѣдній непріятельскій воинъ не уйдетъ съ земли нашей». Эти слова Государя услышала вся Россія, и какъ же потомъ, ничтожные люди обвиняли Царя, что Онъ хотѣлъ заключить сепаратный миръ съ Германіей. Слово Царя твердо какъ алмазъ, и надо было быть дѣйствительно

безчестнымъ человѣкомъ, чтобы не вѣрить или сомнѣваться въ словахъ своего Государя!

Война 1914-1917 годовъ велась съ необычайнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ народныхъ и проходила черезъ большія испытанія. У насъ были пораженія, но были и великія побѣды. Нельзя забывать, что въ началѣ войны, Россія, вѣрная своимъ союзникамъ и уступая мольбамъ о помощи Франціи, бросила свои войска, безъ нужной подготовки тыла въ Восточную Пруссію и, хотя и потерпѣла тамъ пораженіе, своимъ порывомъ оттянула нѣмецкіе корпуса съ Западнаго фронта и тѣмъ дала возможность Франціи выиграть битву на Марнѣ. «Si la France n'a pas été effacée de la carte de l'Europe, c'est avant tout à la Russie que nous le devons...» (Maréchal Foch).

У насъ, особенно въ 1915 году, не было достаточно снарядовъ, но плохо было не только въ Россіи, — у нашихъ союзниковъ тоже не хватало боевого снаряженія. **Всѣ** военные авторитеты ошиблись, думая, что Европейская война не можетъ продлиться больше 3-хъ, 4-хъ мѣсяцевъ. Французская армія вышла на войну въ красныхъ штанахъ и уже во время войны вся армія должна была переобмундировываться. Пожалуй, одни нѣмцы были готовы къ войнѣ. Но, уже съ 1916 года Русская армія была снабжена удовлетворительно и Россія стала получать огромное количество военнаго снаряженія и боевыхъ припасовъ изъ заграницы.

Я определенно здѣсь утверждаю, что къ веснѣ 1917 года, Россія сумѣла собственными средствами и путемъ использованія средствъ союзниковъ, вооружить и снабдить всѣмъ необходимымъ 60 армейскихъ корпусовъ, вмѣсто 35, съ которыми она начала войну. **Мы были наканунѣ побѣды.** «Самымъ забытымъ и самымъ труднымъ подвигомъ Императора Николая II-го было то, что Онъ, при невѣроятно трудныхъ условіяхъ довелъ Россію до порога побѣды. Въ Мартѣ Царь былъ на престолѣ, Россійская Имперія и Русская армія держались и всей своей тяжестью давили на германскія линіи, фронтъ былъ обезпеченъ и **побѣда безспорна**». (Sir Winston Churchil).

Врагъ былъ надломленъ, мы стояли наканунѣ побѣды и не было такой силы въ мірѣ, кромѣ подлой измѣны, которая могла бы одолѣть Русское Царство.

Но измѣна пришла: въ тотъ рѣшительный моментъ, когда побѣда явно склонялась на сторону Россіи, когда многомилліонная Императорская армія готовилась для сокрушительнаго удара врагу, Государственная Дума нанесла смертельный ударъ Россіи. Съ возникновеніемъ въ Петербургѣ безпорядковъ и бунтовъ запасныхъ батальоновъ, власть, подорванная въ своемъ авторитетѣ лживой пропагандой, не смогла оправиться. Войска съ фронта, несмотря на приказъ Государя, не были призваны на помощь. Центромъ бунта рабочихъ и запасныхъ батальоновъ стала Государственная Дума, предсѣдатель которой, Родзянко, совершенно не понимая, что происходитъ, углубилъ кризисъ, требовалъ отреченія Царя, придавъ солдатскому бунту обликъ революціи. Члены Государственной Думы, такъ называемые «народные избранники», не нашли въ себѣ ни пониманія недопустимости бунта во время войны, ни гражданскаго мужества, ни просто здраваго смысла, ни патріотизма; вмѣсто того, чтобы обратиться къ рабочимъ съ возваніемъ объ успокоеніи и сплотиться вокругъ Престола, возглавили этотъ самый бунтъ и погубили Россію.

Въ Россіи, къ стыду нашему, не оказалось гражданства. Были только плохіе вѣрноподданные, отказавшіеся отъ національной мистики и привычнаго историческаго лозунга «За Вѣру, Царя и Отечество». Наше общество завистливое и жадное до скандаловъ, прислушивалось къ клеветѣ и, хотя никто и не вѣрилъ, смаковало нелѣпыя сплетни.

Измѣна бродила вокругъ трона — измѣна, оправдывавшаяся патріотическими соображеніями. Теперь, послѣ 2-ой міровой войны, когда Американская армія захватила въ Германіи нѣмецкіе государственные архивы и въ частности архивъ бывшаго статсъ-секретаря Кульмана, выяснилось совершенно ясно, что во время войны 1914-1918 годовъ, Германское правительство субсидировало огромными денежными суммами партію русскихъ

соціалъ-революціонеровъ, подготовляя революцію и эти ничтожные люди были просто государственными измѣнниками, работавшими на вражескія деньги.

Всякій честный и добросовѣстный историкъ долженъ признать, что февральская революція вовсе не была какимъ-то «взрывомъ народнаго гнѣва» или выраженіемъ республиканскихъ идеаловъ; ихъ приверженцевъ былъ ничтожный процентъ въ массѣ русскаго народа. Захватъ власти оказался возможнымъ только въ силу отсутствія какого либо организованнаго сопротивленія захватчикамъ-измѣнникамъ. Всѣ, кому о томъ вѣдать надлежало, упустили изъ виду, что сопротивленіе измѣнѣ есть не только право, но и обязанность держателей власти и тѣхъ на кого она опирается.

2-го Марта, Государь, введенный въ заблужденіе своимъ начальникомъ штаба, имѣвшимъ совершенно ложное представленіе о происходящемъ въ столицѣ и подъ давленіемъ телеграммы главнокомандующихъ фронтами, отрекся отъ престола*).

Въ манифестѣ отреченія, наипсанномъ лично Государемъ, были такія слова: «Почли Мы долгомъ совѣсти облегчить народу Нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды...»

У кого теперь есть совѣсть? Міровая совѣсть умерла съ послѣднимъ Русскимъ Императоромъ! Съ поста Главы Государства и Главнокомандующаго Арміями, Государь уходитъ какъ Царь, какъ воинъ, как солдатъ стоявшій до послѣдней минуты на своемъ посту. Манифестъ Его полонъ благородства и Цар-

---

*) Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ, въ роковой для Россіи моментъ, всѣмъ своимъ авторитетомъ начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго, а Главнокомандующимъ въ то время былъ Царь, не поддержалъ своего Государя и Верховнаго Главнокомандующаго.

Телеграмма генерала Алексѣева, посланная всѣмъ Главнокомандующимъ фронтами, по вопросу отреченія, была такъ составлена и такъ безысходно обрисовывала политическое положеніе, что какъ бы заранѣе подсказывала отвѣтъ, исключая всякій другой совѣтъ, кромѣ просьбы объ отреченіи отъ престола.

скаго достоинства. «Нѣтъ той жертвы, которую я не принесъ бы во имя дѣйствительнаго блага для спасенія родной Матушки Россіи». Кромѣ манифеста объ отреченіи отъ престола въ пользу Своего брата Великаго Князя Михаила Александровича, Государь назначилъ вмѣсто Себя Верховнымъ Главнокомандующимъ Великаго Князя Николая Николаевича, подписалъ указъ о назначеніи князя Львова — Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Затѣмъ Онъ написалъ Свой изумительный прощальный приказъ къ арміи, въ коемъ ярко проявилось и величіе Его духа, любовь къ Арміи и вѣра въ нее. Этотъ прощальный приказъ былъ скрытъ и не опубликованъ Временнымъ правительствомъ. Это уже явное, революціонное политическое мошенничество и трусость новой власти, чтобы войска не услышали въ послѣдній разъ благородный голосъ своего Императора и Верховнаго Вождя арміи. Государь далъ своимъ противникамъ все что могъ, но они все равно не могли справиться съ наступившими событьями. Никто, лучше Государя, не охарактеризовалъ такъ мѣтко и кратко Русскую революцію, написав всего 4 слова въ Своемъ дневникѣ: «Кругомъ измѣна, трусость и обманъ». Какъ это вѣрно! Вѣдь вся февральская революція была не что иное, какъ трусость, измѣна и обманъ!

Кто же были они, обманомъ и клеветой достигшіе власти, такъ называемыя лица «довѣріемъ народа обличенныя»? Всѣ эти господа, ставъ министрами, не только не сумѣли что нибудь создать или улучшить, но они просто не знали что имъ нужно дѣлать вообще.

Приказомъ № 1 они развалили армію, смѣстили адмнистрацію, уничтожили полицію, т. е. дѣйствовали какъ политическіе недоросли, какъ дѣти игравшіе въ опасную игру.

Князь Г. Львовъ оказался совершенно безцвѣтной личностью и скоро исчезъ съ поста Предсѣдателя Совѣта Министровъ.

Профессоръ П. Н. Милюковъ былъ думскій дѣятель, который своею рѣчью «Что это глупость или измѣна», такъ много сдѣлалъ, чтобы подорвать авторитетъ Императорской власти. Рѣчь эта была лживой отъ начала до конца, и не давая ника-

кихъ опредѣленныхъ обвиненій, была построена на неопредѣленныхъ намекахъ и инсинуаціяхъ. Милюковъ, до конца жизни такъ и не понялъ, что это онъ самъ возглавлялъ и глупость и измѣну и, когда увидѣлъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать, просто устранился отъ отвѣтственности, уйдя съ поста министра иностранныхъ дѣлъ. Гдѣ же здѣсь отвѣтственное министерство? Не хочу больше играть и ухожу...

Нужно сказать, что за Милюковымъ стояли «Іерихонскія трубы», отъ которыхъ, какъ извѣстно изъ Библіи, упали стѣны города Іерихона. Эти же «трубы» создали Милюкову незаслуженную популярность. Въ эмиграціи, этотъ профессоръ «историческихъ ошибокъ», метался отъ союзниковъ къ нѣмцамъ и обратно, справилъ свой никому ненужный юбилей 80-ти лѣтъ и вѣроятно, до конца своей жизни такъ и не понялъ: какъ же это все такъ плохо вышло?

А. И. Гучковъ, или какъ его мѣтко называли солдаты «Жучковъ», лично ненавидящій Царя, былъ однимъ изъ главныхъ подготовителей революціи и добравшись до власти, сталъ военнымъ Министромъ, развалившимъ армію.

«Заложникъ демократіи» А. Ф. Керенскій — этотъ фигляръ, «неистово кричавшій на помостѣ», этотъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ и, съ позволенія сказать, «Главнокомандующій», позорно бѣжалъ со своего поста, бѣжалъ переодѣвшись сестрой милосердія, въ женскомъ платьѣ, предоставивъ дамамъ женскаго батальона и юношамъ-юнкерамъ за него сражаться, защищая Зимній Дворецъ! Это ли не позоръ? Это ли не гражданская смерть лгуна и фигляра, спрятавшагося теперь въ глухомъ углу Америки и пишущаго оправданія тому, чему нѣтъ оправданій!

Вы всѣ навѣрное помните прекрасное стихотвореніе Шиллера — «Мщеніе». Слуга паладина убилъ, убійство свершилось ночною порой. Вся наша февральская революція есть ни что иное какъ «убійство ночною порой»...

«И шпоры и латы убійца надѣлъ
И въ нихъ на коня паладинова сѣлъ».

Но конь, почувствовавъ убійцу своего господина и, какъ это часто бываетъ съ животными, будучи благороднѣе людей, сбросилъ убійцу въ рѣку, гдѣ «панцырь тяжелый его утопилъ».

Такъ случилось и съ горе-главнокомандующимъ — Керенскимъ, забывшимъ слова древняго оракула: «Не расширяй судьбы своей».

О другихъ громкихъ, но пустыхъ герояхъ смутныхъ лѣтъ и говорить не стоитъ. Банкротство всѣхъ этихъ дѣятелей революціи несомнѣнно — все гибло безжалостно и безсмысленно. Ихъ основной чертой была крайняя развязанность на почвѣ полнаго невѣжества, когда голоса революціонной галерки были приняты ими за подлинные голоса народа.

7-го Марта 1917 г. Временное Правительство постановило признать «Николая II-го и Его Супругу лишенными свободы и доставить отрекшагося Императора въ Царское Село». Это былъ актъ со стороны Временнаго Правительства не находящій себѣ оправданія ибо этотъ арестъ Государя и Государыни былъ совершенъ безъ законнаго повода и достаточнаго основанія и находился въ прямомъ нарушеніи уголовнаго судопроизводства. Вѣдь всѣмъ должно быть ясно, что подвергать Императора Николая II-го отвѣтственности за тѣ или иные поступки Его, въ качествѣ Императора, было безмыслицей и противорѣчила аксіомѣ Государственнаго Права.

Учрежденная Временнымъ Правительствомъ Чрезвычайная Слѣдственная Комиссія, несмотря на всѣ поиски доказательствъ виновности Государя, **абсолютно ничего не нашла.** Царь былъ чистъ!

Истина есть истина. Только потомственные, почетные подлецы могли думать, что Царь могъ быть въ чемъ-то виноватъ и обвинять Его въ какой-то «измѣнѣ»...

Когда же выяснилось, что Царь чистъ и нѣтъ (и не могло быть) на Немъ никакой нравственной вины, какъ нѣтъ и вины Государственной, присяжный повѣренный Керенскій, бывшій въ то время Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, и министръ юсти-

ціи, Зарудный, вмѣсто того, чтобы немедленно освободить изъ подъ стражи Царя и Его Августѣйшу юСупругу, въ ночь на 13 Августа, отправили безвиннаго Государя и всѣхъ Его ближнихъ въ ссылку въ Тобольскъ. «И придаше Его на раснятіе»... И это въ то время, когда обреченность самого Временнаго Правительства была ясна и позорная гибель его, наступившая 25 Октября, была не за горами.

12-го Апрѣля 1918 года, уже при совѣтскомъ владычествѣ, Государя, спѣшно должны были вести въ Москву, яко бы на «судъ». На самомъ дѣлѣ это было сдѣлано по требованію германскаго правительства, которое, не довѣряя большевикамъ, желало, чтобы Императоръ Николай II-й подписалъ договоръ Брестъ-Литовскаго мира. Германское правительство, якобы за это согласіе Царя, хотѣло спасти Его и Его Семью, или даже возстановить Монархію, возведя на Престолъ Наслѣдника Алексѣя Николаевича при регентствѣ нѣмецкаго принца?..

Зная или предчувствуя, что Его хотятъ везти въ Москву, для скрѣпленія Его подписью Брестъ-Литовскаго мира, Императоръ Николай II-й, всегда отличавшійся необыкновенной высотой духа, твердо сказалъ: «Я лучше дамъ отрубить себѣ правую руку, чѣмъ подпишу постыдный мир»! Все же отъѣздъ Государя, Государыни и Вел. Княжны Маріи Николаевны состоялся. По дорогѣ, Екатеринбургскій совѣтъ, не согласный съ рѣшеніемъ Московскаго — отправить Царскую Семью въ Москву, рѣшилъ ихъ задержать, поселивъ Императорскую Семью въ домѣ Ипатьева въ Екатеринбургѣ. По выздоровленію оставшагося въ Тобольскѣ Наслѣдника, остальные члены Царской Семьи тоже были перевезены въ Екатеринбургъ и заключены въ томъ же домѣ. Вся эта задержка Царской Семьи и заключеніе Ея, въ домѣ Ипатьева были сдѣланы по тайному приказу изъ Москвы — Янкеля Свердлова съ приказомъ же, какъ можно скорѣе покончить съ Царственными Мучениками.

Въ 1934 году въ Парижѣ, въ издательствѣ «Plon», вышла книга французскаго писателя Pierre Frédérix подъ заглавіемъ

«Machines en Asie — Oural et Sibérie soviétique». Этотъ писатель, вѣроятно очень лѣвыхъ взглядовъ, а возможно и коммунистъ, ибо, какъ же иначе объяснить, что въ самое страшное сталинское время, онъ могъ свободно путешествовать по Россіи, посѣтилъ и Сибирь и былъ въ Ипатьевскомъ домѣ въ Екатеринбургѣ. Онъ описываетъ, что онъ тамъ видѣлъ и, между прочимъ пишетъ: «Les négociateurs allemands de Brest-Litovk avaient eu la pensée d'intervenir pour le salut de la famille impériale; Nicolas II a tout refusé de leur aide *ce qui ne manque pas de courage* de la part d'un souverain qui avait abdiqué, et d'un homme qui savait, lui et les siens, en péril de mort».

Въ ночь съ 3-го (16) на 4-ое (17) Іюня 1918 года, по тайному приказу из Москвы, послѣ длительныхъ издѣвательствъ, Государь Императоръ Николай Александровичъ, Его Августѣйшая Семья и вѣрные слуги были убиты въ подвалѣ Ипатьевскаго дома, въ Екатеринбургѣ. Это страшное преступленіе, для котораго нѣтъ имени, прошло при отвратительно жуткомъ молчаніи правительствъ и ведущихъ группъ Европейскихъ странъ. Эта страшная, жуткая ночь была началомъ темной ночи на землѣ, за которой послѣдовало наказаніе для всего міра. «Кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ».

Больше всего, конечно, пострадала Россія и Русскій народъ, который, весь несетъ отвѣтственность за это злодѣяніе. Одни виноваты меньше, другіе больше, но во всякомъ случаѣ «каждый за всѣхъ и за все виноватъ»; поистинѣ мы во всемъ происшедшемъ виноваты и не напрасно терпимъ жестокое наказаніе. Россія была ввергнута въ пропасть совѣтскаго безумія, голода, разстрѣловъ, тюремъ, концентраціонныхъ лагерей и ужасовъ 2-ой міровой войны; и не видно конца этому пути неисчислимыхъ и неописуемыхъ страданій и жертвъ Русскаго народа. 2-ая міровая война только потому и была возможна, что перестала существовать Великая Россійская Имперія, державшая равновѣсіе міра, и никогда бы не допустившая установленіе въ Германіи республики, сдѣлавшей возможнымъ приходъ Адольфа

Хитлера. Франція потеряла своего самаго вѣрнаго союзника, понесла страшное пораженіе во 2-ой міровой войнѣ и утеряла свой престижъ и колоніи.

В своей книгѣ «La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre», Maurice Paléologue, Ambassadeur de France, пишетъ, что 5-го Августа 1914 года, послѣ долгой аудіенціи у Государя, Императоръ, обнявъ посланника, сказалъ ему: «Monsieur l'Ambassadeur, permettez-moi d'embrasser en vous ma chère et glorieuse France!» Когда же, через четыре года, отбросы человѣчества совершали убійство Всероссійскаго Государя la douce et glorieuse France молчала.

Англія, много сдѣлавшая для затяжки войны и для прихода февральской революціи, понесла неисчислимыя жертвы во время 2-ой міровой войны, потеряла свое вліяніе въ Индіи, въ Персіи, въ Египтѣ, въ Африкѣ и почти сошла на рангъ второстепенной державы.

Теперь я коснусь самаго больного вопроса — вопроса еврейскаго. Всѣмъ извѣстно какую огромную роль играли евреи и въ революцію 1905 года (одинъ нѣмецкій ученый даже написалъ объ этомъ спеціальный трудъ) и въ революцію 1917 года, и въ Октябрьскую революцію, и въ Совѣтскомъ правительствѣ, гдѣ они занимали огромное количество самыхъ главныхъ постовъ управленія Совѣтскаго государства. Но это не самое главное: организаторомъ убійстав Царя и Его Семьи былъ Янкель Свердловъ, въ честь котораго даже городъ Екатеринбургъ переименованъ въ Свердловскъ и физическими совершателями этого страшнаго преступленія были Шая Юровскій, Голощекинъ, Войковъ и другіе «иноплеменники», люди лишенные всякаго нравственнаго начала.

Я не хочу возводить обвиненіе за это преступленіе на все еврейство. Но мнѣ извѣстно, что одинъ изъ достойныхъ евреевъ, докторъ Д. С. Пасманникъ, въ своей книгѣ «Русская революція и Еврейство», написанной въ 1922 году, помѣстилъ фразу: «...Мы не можемъ отрицать, что отдѣльные евреи дѣйствительно

играли и играютъ крупную роль во всем большевистскомъ движеніи. Мы не можемъ отрицать роль Троцкихъ, Радековъ, Нахамкесовъ, Зиновьевыхъ, Іоффе, Бела-Куна и т. п., въ той страшной трагедіи, которая теперь разыгрывается во всемъ мірѣ и спеціально въ Россіи. Мы не можемъ ограничиться заявленіемъ, что еврейскій народъ не отвѣчаетъ за тѣ или иныя дѣйствія отдѣльныхъ его членовъ. Мы отвѣчаемъ за Троцкаго, пока мы отъ него не отгородились...».

Сказано въ Библіи: «Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ».

Какъ я уже сказалъ, если бы сохранилась Россійская Имперія, то послѣ несомненнаго выигрыша войны Россіи и ея союзниковъ, Государь никогда бы не допустилъ, чтобы Германія стала республикой. Вѣроятно, со многими измѣненіями, она осталась бы Монархіей. Слѣдовательно не было бы прихода къ власти Хитлера, не было бы 2-ой міровой войны, лагерей смерти и убійства милліоновъ евреевъ въ газовыхъ камерахъ, о чемъ мы весьма сожалѣемъ.

Жутко и безпокойно и нынѣ во всемъ мірѣ. Чудовищное развитіе техники открываетъ новые пути наступающаго атомнаго вѣка и вопросъ о техникѣ становится вопросомъ о судьбѣ человѣка, ибо это новое могущество начинаетъ ускользать изъ подъ его контроля. Не выработавъ, соотвѣтствующей этому новому могуществу, морали, человѣчество несется, въ какомъ-то эгоистическомъ матеріализмѣ, навстрѣчу атомной эрѣ.

Но нѣтъ въ мірѣ ни благополучія, ни спокойствія и всѣ народы живутъ подъ жуткимъ страхомъ атомной войны. Темная ночь убійствъ и злодѣяній продолжается, и только изъ подвала Ипатьевскаго дома, надъ этимъ мракомъ восходитъ нездѣшній свѣтъ, — свѣтъ Правды и духовной красоты, которыя всегда составляли главное въ жизни человѣка.

Передъ духовнымъ взоромъ всего міра, во главѣ Своей замученной Семьи и вѣрныхъ слугъ, во главѣ милліоновъ убіенныхъ русскихъ людей, жертвъ темныхъ силъ, шествуетъ Благочестивѣйшій Государь Императоръ Николай Александровичъ.

Онъ идетъ не въ Императорской коронѣ, не въ порфирѣ и не въ блескѣ Регалій Русскаго Царства, а въ простой солдатской шинели, но весь образъ Его сіяетъ неземнымъ свѣтомъ. Это свѣтъ чистоты, свѣтъ несокрушимой нравственной силы и изумительнаго величія духа... Свѣтъ этотъ неугасимъ, — ибо это свѣтъ мученичества, а можетъ быть и святости!

И мнѣ бы хотѣлось, чтобы этотъ свѣтъ всегда свѣтилъ Вамъ и всѣмъ Русскимъ людямъ и помогъ бы Вамъ, при всѣхъ обстоятельствахъ, всегда и вездѣ, открыто и правдиво, честно и смѣло вставать на защиту Свѣтлой Памяти покойнаго Государя, Его Августѣйшей Семьи и чести Имперіи.

Н. ЯЗЫКОВЪ.

Алексѣй Николай

Государыня Императрица Александра Федоровна

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ II-й И ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

Докладъ, прочитанный на траурномъ собраніи 12 іюля 1964 г. генераломъ С. Д. Позднышевымъ.

"Славься, славься нашъ Русскій Царь.
Господомъ данный намъ, Царь-Государь".

Въ ближайшіе дни исполняется 50-лѣтіе со дня начала 1-й міровой войны.

Мой сегодняшній докладъ я сосредоточу на нѣкоторыхъ моментахъ въ жизни Государя, въ связи съ этой войной. Несомнѣнно, вы всѣ ихъ знаете, но прошлое уходитъ и забывается, краски картинъ тускнѣютъ, блекнутъ, теряютъ яркость и освѣжать историческія событія въ нашей памяти полезно и необходимо.

Война 1914-го года пришла къ намъ нежданно и негаданно. Россія этой войны не желала, къ ней не стремилась и къ ней не была готова. Прошло только восемь лѣтъ, какъ окончилась неудачная для насъ Русско-Японская война; еще были живы воспоминанія о кровавыхъ жертвахъ, понесенныхъ нами на поляхъ Манджуріи, еще много надо было сдѣлать для возстановленія нашихъ финансовъ, для перевооруженія нашей Арміи и для успокоенія государства послѣ пережитыхъ бѣдъ и потрясеній.

Существуютъ различныя мнѣнія о причинахъ возникновенія этой войны и о томъ, на кого ложится отвѣтственность за нее. Императоръ Вильгельмъ обвинялъ въ этомъ нашего Государя и считалъ его виновникомъ бѣдствій, постигшихъ міръ.

Оставаясь безпристрастными и объективными, учитывая состояніе Россіи въ тѣ годы и вѣруя въ абсолютную искренность и честность нашего Государя, мы должны признать, что въ возникновеніи этой войны Россія была неповинна.

Государь проявилъ максимумъ усилій, чтобы избѣжать войны. Достаточно просмотрѣть обмѣнъ телеграммами съ Императоромъ Вильгельмомъ, чтобы на этотъ счетъ не оставалось сомнѣній. Слова манифестовъ ярко свидѣтельствуютъ о миролюбіи, о томъ, что было сдѣлано, чтобы избѣжать войны и о скорби нашего Государя по поводу ея возникновенія:

«...Видитъ Господь, что не ради воинственныхъ замысловъ или суетной мірской славы подняли мы оружіе, но ограждая достоинство и безопасность Богомъ хранимой Имперіи, боремся за Правое Дѣло».

(Выдержка изъ Манифеста отъ 21 Іюля 1914 г.).

Къ тому, что сказано выше, слѣдуетъ напомнить и еще объ одномъ обстоятельствѣ чрезвычайной важности, которое несомнѣнно принималось въ расчетъ при рѣшеніи о войнѣ и мирѣ.

Въ періодъ Русско-Японской войны вспыхнула въ огромныхъ размѣрахъ революція 1905-го года, парализовавшая всю жизнь и дѣятельность Имперіи. Призракъ этой революціи висѣлъ надъ страной краснымъ заревомъ и Государь долженъ былъ учитывать возможность возникновенія новой роковой смуты.

Государь отлично зналъ, что изъ себя представляютъ въ моральномъ отношеніи темныя революціонныя силы, таящіяся въ русскомъ подпольѣ. Онъ зналъ, что эти русскіе «прогрессисты» во имя своихъ идей не остановятся передъ совершеніемъ любого предательства. У этихъ господъ не было національныхъ идеаловъ, имъ были чужды русскія святыни, вѣра Православная и традиціи старины; они давно обрекли ненавистную имъ монархію и Россію, (по ихъ понятіямъ «царство кнута, нагайки и тю-

ремъ», на уничтоженіе. Уже въ шестидесятыхъ годахъ XIX столѣтія русскій революціонеръ, эмигрантъ, Печоринъ писалъ:

«Какъ сладостно отчизну ненавидѣть
И ждать ея уничтоженья»...

7-го Іюля, въ день пріѣзда въ Петербургъ президента Французской республики Раймонда Пункаре, въ столицѣ, какъ по указѣ таинственнаго дирижера, вспыхнула забастовка рабочихъ. Свыше ста тысячъ человѣкъ внезапно прекратили работу, занялись митингами, буйствомъ и безчинствами. 8-го Іюля забастовщики уничтожили 200 магоновъ трамвая изъ 500, на многихъ улицахъ ими были разобраны мостовыя, въ полицію летѣли камни, на Приморской желѣзной дорогѣ были повалены телеграфные столбы, на рельсы наброшенъ балластъ, въ Петербургѣ запахло бунтомъ. Забастовка быстро приняла угрожающіе размѣры; въ теченіе трехъ дней волна перекинулась въ Москву, Ригу, Ревель, Николаевъ и въ другіе города съ фабричнымъ населеніемъ.

Что это могло значить? Великій князь Николай Николаевичъ, въ бесѣдѣ съ Пункаре, высказалъ предположеніе, что забастовка инспирирована и организована нѣмцами... Можетъ быть, это такъ и было, но какъ трудно дѣлать хорошій видъ при отвратительной игрѣ.

Каждый изъ насъ можетъ легко представить себѣ, какія чувства долженъ былъ испытывать и переживать Государь въ эти грозовые, тревожные и страшные дни. Каждый изъ насъ можетъ легко почувствовать краску стыда на лицѣ и негодованіе въ сердцѣ за недостойное и возмутительное поведеніе части русскаго народа, проявленное спеціально по случаю пріѣзда иностранныхъ гостей, чтобы во всемъ безстыдствѣ показать забастовочный парадъ, какъ свидѣтельство внутренняго состоянія Россіи.

28-го Іюня 1914 года нашъ посланникъ въ Сербіи Николай Генриховичъ Гартвигъ скоропостижно скончался въ кабинетѣ австрійскаго посланника. Эта внезапная смерть вызвала въ Бѣлградѣ много таинственныхъ разговоровъ. Гартвига замѣнилъ Владиміръ Николаевичъ Штрандманъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ о тревожныхъ, предвоенныхъ дняхъ онъ разсказалъ вотъ что:

11-го Іюля, вечеромъ, надъ Бѣлградомъ разразилась величественная гроза необычайной силы. Никогда раньше, нигдѣ, онъ не видѣлъ ничего подобнаго. Грохотъ грома сотрясалъ городъ, сверкала непрерывно молнія, вылъ дикій, стремительный вѣтеръ. Казалось, что все рушится на бѣломъ свѣтѣ. Можно было подумать, что само небо предвѣщало что-то недоброе и страшное.

Въ самый разгаръ грозы, поздно вечеромъ, подъ проливнымъ дождемъ, въ Россійскую Императорскую Миссію неожиданно пришелъ встревоженный Королевичъ Регентъ Александръ. Онъ пришелъ побесѣдовать съ Штрандманомъ по поводу назрѣвающихъ роковыхъ событій, близость которыхъ его тревожила и угнетала. Австро-Венгрія угрожала маленькому, мужественному народу. Бороться съ ней одинъ на одинъ онъ не могъ.

Произошла между ними долгая, откровенная бесѣда, съ учетомъ всѣхъ возможностей. Въ результатѣ ея было рѣшено послать Государю Императору телеграмму. Это была единственная надежда, которая еще оставалась Сербіи. Текстъ телеграммы тутъ же былъ составленъ. Королевичъ Александръ писалъ:

«...Мы не можемъ защищаться. Посему, мы молимъ Ваше Величество оказать намъ помощь возможно скорѣе... Мы твердо надѣемся, что этотъ призывъ найдетъ откликъ въ Вашемъ славянскомъ и благородномъ сердцѣ...»

14-го Іюля Королевичъ Александръ получилъ изъ Петербурга слѣдующую отвѣтную телеграмму:

«...Пока есть малѣйшая надежда избѣжать кровопролитія, всѣ наши усилія должны быть направлены къ этой цѣли. Если же, вопреки нашимъ искреннимъ желаніямъ, мы въ этомъ не

успѣемъ, Ваше Высочество можетъ быть увѣреннымъ въ томъ, что ни въ коемъ случаѣ Россія не останется равнодушной къ участи Сербіи».

Телеграмма Государя произвела огромное впечатлѣніе и вызвала всеобщее ликованіе въ странѣ. По свидѣтельству В. Н. Штрандмана, старый Никола Пашичъ — Предсѣдатель Сербскаго Правительства, усиленно крестясь и обливаясь слезами, въ огромномъ душевномъ волненіи, повторялъ урывками: «Господи. Милостивый Русскій Царь... Какое утѣшеніе...». Растроганный старикъ былъ не въ силахъ сдерживать своихъ чувствъ...

Читая страницы о промчавшихся міровыхъ событіяхъ, — можно съ удивленіемъ замѣтить, какъ Европа неудержимо и непреодолимо двигалась къ катастрофѣ, не понимая и не чувствуя, что она движется къ катаклизму. Невольно возникаетъ мысль, что ее влекъ какой-то фатальный, непостижимый рокъ. Предлогомъ для войны явилось убійство наслѣдника австрійскаго престола, эрцгерцога Фердинанда, котораго австрійская знать не очень любила. Австрія обвинила Сербію въ подстрекательствѣ къ убійству и рѣшила использовать благопріятный случай для осуществленія своихъ, давно лелѣемыхъ, національныхъ цѣлей: подавленія славянства и присоединенія его къ срединной Имперіи. Въ 1908 году, она уже насильственно присоединила къ своимъ владѣніямъ Боснію и Герцеговину.

Германія, съ момента своего объединенія, стремилась на Востокъ. Лозунгомъ ея былъ: «Drang nach Osten». Тщетно Государь звалъ Германію и Австрію къ урегулированію возникшаго конфликта нормальнымъ международнымъ путемъ; предлагалъ и Гаагскій судъ. Австрійцы и нѣмцы остались глухи къ этимъ призывамъ. Печать этихъ государствъ всецѣло поддерживала своих Императоровъ. Одна из газетъ «Франкфуртеръ Цейтунгъ» писала 11-го Іюля:

«Если сейчасъ и удастся избѣжать европейской войны, то,

къ сожалѣнію, приходится опасаться, что русскій націонализмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, попытается изгладить свое теперешнее униженіе...»

Печать центральныхъ державъ горячо и страстно готовила нѣмецкіе народы къ войнѣ. Она также усиленно подготовляла въ свою нѣмецкую пользу міровое общественное мнѣніе, проливая «крокодиловы слезы» по поводу убійства наслѣдника престола. Надо было использовать это преступленіе и доказать міру нестерпимость и невыносимость для великой державы, нанесенныхъ ей кровавыхъ ударовъ. Единственнымъ выходомъ изъ этого положенія могло быть только примѣрное наказаніе Сербіи, вдохновительницы и подстрекательницы къ совершенному убійству.

Надъ этими газетными воплями была упрямая воля императоровъ Вильгельма и Франца-Іосифа, которая настойчиво вела центральныя державы къ войнѣ. Плачъ объ убитомъ Эрцгерцогѣ былъ только дымовой завѣсой, прикрывавшей то, что готовилось. Это можно сказать была траурная вуаль надъ скорбью, потрясеннаго Габсбургскаго Дома.

15-го Іюля Австро-Венгрія объявила войну Сербіи. Начался обстрѣлъ Бѣлграда. Сербское Правительство переѣхало въ г. Нишъ. Государь немедленно послалъ телеграмму императору Вильгельму:

«Постыдная война объявлена маленькому народу. Я предвижу, что очень скоро, я не смогу болѣе сопротивляться давленію, которое оказываютъ на меня и что я буду вынужденъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, которыя приведутъ къ войнѣ. Чтобы предупредить катастрофу, начало европейской войны, я прошу тебя сдѣлать все, — что въ твоей власти, чтобы помѣшать твоему союзнику зайти слишкомъ далеко».

Отвѣтъ Вильгельма былъ утѣшительный, хотя и напоминалъ по своему содержанію, крыловскую басню: «Волкъ и ягненок»:

«...Негодный! Слыхана-ль такая дерзость въ свѣтѣ!
Да, помнится, что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ
Мнѣ здѣсь-же какъ-то нагрубилъ:
Я этого прiятель не забылъ...»

Можно предположить, что императоръ Вильгельмъ писалъ. посмѣивался и потиралъ руки, предвкушая близость молнiеносныхъ сраженiй и побѣдъ германскаго оружiя. Любилъ онъ эти театральныя, эффектныя позы:

«...Безпрерывная травля, которая направляется противъ Австрiи въ теченiе многихъ лѣтъ въ Сербiи привела къ чудовищному покушенiю. Несомнѣнно, ты согласишься, что мы оба, какъ государи, — заинтересованы настаивать на наказанiи тѣхъ, кто совершилъ это страшное убiйство... Въ память нашей сердечной дружбы, я употреблю все мое влiянiе, чтобы заставить Австрiю придти къ лояльному и удовлетворительному соглашенiю съ Россiей...»

Слова телеграммы были успокаивающiя, дружескiя, но, къ сожалѣнiю, неискреннiя. Они лицемѣрно уводили отъ дѣйствительности, скрывали задуманное и рѣшенное, затуманивали намѣренiя центральныхъ державъ, чтобы выиграть время и поставить противниковъ въ наихудшее, безвыходное положенiе. Съ точки зрѣнiя военной, — это было нормально; съ точки зрѣнiя общечеловѣческой, моральной, — это было дѣйствiе, которое оправдать нельзя.

Германскiй императоръ забылъ и не хотѣлъ помнить, что «бѣдная невинная и кроткая» Австрiя уже слопала Боснiю и Герцоговину. «У сильнаго всегда безсильный виноватъ...

«Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы всѣ мнѣ зла хотите,
И если можете, то мнѣ всегда вредите.
Но я съ тобой за ихъ развѣдаюсь грѣхи.
. . . .
Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать»...

Въ то самое время, когда Вильгельмъ писалъ свою телеграмму, — официальныя сообщенія германскаго посла графа Пурталеса имѣли совершенно другой характеръ, они возбуждали крайнюю тревогу, говорили о близости и неизбѣжности войны.

***

Что пережилавлъ Государь въ эти безпокойные, безумно-нервные и напряженные дни, когда на Россію надвигалась военная гроза и вотъ-вотъ готовы были засверкать молніи огня? Мы этого не поймемъ. Судьба поставила Государя во главѣ огромной Имперіи. На свое служеніе онъ смотрѣлъ, прежде всего, съ религіозной точки зрѣнія, какъ истинный сынъ Православной Церкви. До высоты и глубины этой мистики — намъ не подняться и не понять ея величайшаго значенія. Не по внѣшней только формѣ, но по духу — онъ былъ Помазанникъ Божій.

Прогрессивная русская интеллигенція обладала блестящими критическими талантами. Она умѣла отлично, съ негодованіемъ, душевнымъ сокрушеніемъ и пафосомъ, судить, произносить гнѣвныя, обвинительныя рѣчи и сурово, безповоротно осуждать. Она исповѣдовала подлинные идеалы свободы, но не знала размѣровъ ихъ приложенія въ государствѣ. «Идейной формой русской интеллигенціи, по словамъ Струве, было ее отщепенство, ее отчужденность отъ государства и враждебность къ нему»... Понять высоту, огромность и отвѣтственность царскаго служенія она не могла. Для этого нужно было имѣть въ сердцѣ русскій патріотизмъ, неподкупную и нелицепріятную любовь къ исторической Россіи, къ ея святынямъ, вѣрѣ православной, къ ея патріархальному быту и образу правленія. Этихъ чувствъ у русскаго либеральнаго общества не было.

День за днемъ росла тревога и ширилось напряженіе. Шелъ непрерывный обмѣнъ телеграммами, шли переговоры съ иностранными послами, летѣли по міру агентскія сообщенія, газеты разжигали до наивысшаго коленія вражду, ненависть и злобу, — готовили атмосферу войны.

Настало роковое 17-е Іюля. Утромъ Государь получилъ отъ императора Вильгельма послѣднюю телеграмму. Больше въ жизни имъ не пришлось обмѣняться ни одним словомъ. Вильгельмъ писалъ:

«Вся тяжесть рѣшенія ложится теперь исключительно на тебя и ты несешь отвѣтственность за миръ или войну».

Государь никогда не терялъ самообладанія. Его никто не видѣлъ раздраженнымъ, яростно-гнѣвнымъ, или негодующимъ. Свои переживанія онъ умѣлъ хранить внутри себя, сдерживать свои чувства и не показывать ихъ наружу. Онъ имѣлъ своеобразный, рыцарски благородный характеръ, — его спокойствіе и невозмутимость поражали людей преданныхъ и вызывали насмѣшки и зубоскальство у тѣхъ, кто принципіально ненавидѣлъ государственный строй и монарха.

Прочитавъ телеграмму Вильгельма, Государь почувствовалъ, можетъ быть, съ упавшимъ сердцемъ понялъ, что неотвратимое, ставшее неизбѣжно фатальнымъ, — уже несется воющей бурей и нѣтъ больше силъ въ мірѣ, чтобы разсѣять и остановить черную грозу. Съ душевной горечью онъ сказалъ Сазонову:

«Онъ требуетъ отъ меня невозможнаго. Онъ забылъ или не хочетъ признать, что австрійская мобилизація была начата раньше русской и теперь требуетъ прекращенія нашей частичной, не упоминая ни словомъ объ австрійской. Вы знаете, что я уже разъ задержалъ указъ о мобилизаціи и затѣмъ согласился лишь на частичную. Если бы теперь я выразилъ согласіе на требованіе Германіи, мы стояли бы безоружными противъ Австро-Венгерской арміи. Это безуміе...»

Роковыя минуты подошли вплотную. Въ 1 часъ дня, въ Берлинѣ вышелъ экстренный выпускъ газеты «Локаль Анцейгеръ», сообщившій объ объявленіи въ Германіи общей мобилизаціи. Около 2-хъ часовъ дня, Военный министръ генералъ Сухомлиновъ, Начальникъ Генеральнаго Штаба генералъ Янушкевичъ и вызванный министръ Иностранныхъ Дѣлъ Сазоновъ,

приступили къ обсужденію создавшейся обстановки. Было непреложно ясно: дабы избѣжать катастрофы, надо объявить немедленно общую мобилизацію Россіи.

Въ три часа дня Государь принялъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Видъ у Государя былъ усталый, блѣдный и озабоченный. Пятьдесятъ минутъ продолжался докладъ Сазонова. Онъ закончилъ его заявленіемъ: или надо капитулировать или теперь же объявить общую мобилизацію.

— Это значитъ обречь на смерть сотни тысячъ людей? Какъ не остановиться передъ такимъ рѣшеніемъ, — тихо замѣтилъ Государь.

Настала минута, когда надо было сказать только одно изъ двухъ словъ: ДА или НѢТЪ. Моментъ требовалъ наивысшаго напряженія духовныхъ, умственныхъ и даже подсознательныхъ силъ, внутренней интуиціи. Наступилъ самый драматическій актъ исторіи.

— Иного выхода нѣтъ, Ваше Величество, — сказалъ взволнованный Сазоновъ.

— Вы правы. Намъ ничего другого не остается, какъ ожидать нападенія. Передайте Начальнику Генеральнаго Штаба мой приказъ объ общей мобилизаціи.

Итакъ свершилось неизбѣжное, то, чего Императоръ Николай II-й всемѣрно стремился недопустить. Не безъ колебаній, волненій и внутренней борьбы принялъ Онъ рѣшеніе огромной исторической важности. Онъ былъ принужденъ его принять. Надъ Бѣлградомъ уже гремѣла канонада и снаряды тяжелой австрійской артиллеріи, изъ-за Савы, рвались надъ городомъ.

Но и принявъ безповоротное рѣшеніе, Государь сдѣлалъ еще одну послѣднюю, безнадежную, попытку остановить начинающуюся грозу. Онъ послалъ императору Вильгельму нижеслѣдующую телеграмму:

«Технически невозможно остановить наши военныя приготовленія, ставшія неизбѣжными въ виду мобилизаціи Австріи.

Мы далеки отъ того, чтобы желать войны. Пока будутъ длиться переговоры съ Австріей по сербскому вопросу, Мои войска не предпримутъ никакихъ военныхъ дѣйствій. Я торжественно даю тебѣ въ этомъ Мое слово».

Тяжкія, горькія и тревожныя думы волновали Государя. Чистый совѣстью и сердцемъ, онъ все еще надѣялся на человѣческое благоразуміе, на страхъ передъ грядущими бѣдствіями, исхода и конца которыхъ никто изъ дѣйствующихъ лицъ не могъ предвидеть. Призывъ остался безъ отвѣта. Международное положеніе стало безнадежнымъ. Англія играла свою обычную роль: она оставалась какъ бы внѣ конфликта; она давала возможность Германіи думать, что она въ войну не ввяжется и тѣмъ самымъ толкала Вильгельма на безразсудный шагъ. Расчетъ Лондона былъ безошибочно вѣрнымъ. Однимъ ударомъ убить двухъ враговъ...

19-го Іюля (1 Августа по нов. стилю), въ 7 часовъ вечера германскій посолъ графъ Пурталесъ явился къ Сазонову. Бесѣда была короткой: она продолжалась ровно десять минутъ. Посолъ спросилъ Сазонова, готова ли Россія выполнить ультимативное требованіе его Правительства о пріостановкѣ мобилизаціи и о роспускѣ уже мобилизованныхъ запасныхъ. Сазоновъ, глядя въ упоръ, отвѣтилъ рѣшительно и твердо — «НѢТЪ. Я ничего не могу прибавить къ тому, что сказалъ вамъ наканунѣ въ полночь...»

Наступило жуткое, нѣмое молчаніе; оно продолжалось нѣсколько секундъ. Графъ опустилъ руку въ карманъ, вынулъ свернутую вчетверо бумагу и сильно дрожащимъ, взволнованнымъ голосомъ, снова задалъ тотъ же самый вопросъ. Послѣдовалъ тот ъже отвѣтъ: «НѢТЪ!» — Въ такомъ случаѣ Правительство Германіи поручило мнѣ передать вамъ слѣдующую ноту... Война была объявлена.

Я слышалъ разсказъ, которому я вѣрю. Подавая на прощанье руку Сазонову, Пурталесъ заплакалъ. Онъ вышелъ изъ

кабинета не съ гордымъ холоднымъ видомъ представителя нѣмецкой націи, но какъ человѣкъ придавленный тяжкой ношей.

*
**

На другой день Петербургъ проснулся рано. Изъ газетъ онъ узналъ о войнѣ. Несмѣтныя толпы народа заполнили улицы; десятки тысячъ людей устремились къ Невѣ, чтобы встрѣтить Царскую яхту изъ Петергофа. На небѣ — ни облачка. День былъ теплый, воздухъ прозрачно синій. Надъ многоводной Невой рѣялъ свѣтло-голубой туманъ.

Около часу дня, Царская яхта вошла въ Неву. На паровомъ катерѣ Государь съ Августѣйшей Семьей прибылъ къ Зимнему Дворцу. Медленно шелъ онъ среди народа, смотрѣвшаго на его усталое, измученное лицо, съ любовью, лаской и состраданіемъ. Незримо тутъ рождались чувства безграничной преданности, готовности жизнь свою отдать за Царя. Всѣ ловили ласковый взглядъ его сѣро-синихъ глазъ, проникавшій въ сердца человѣческія, какъ лучъ солнца.

Въ Николаевскомъ залѣ протоіерей А. Васильевъ — духовникъ Государя совершилъ молебствіе о дарованіи Россійскому Христолюбивому Воинству побѣды надъ врагами. На аналоѣ находились двѣ чудотворныя иконы: образъ Спаса Нерукотворнаго и Казанской Божіей Матери. Послѣ молебна Государь обратился къ присутствующимъ со слѣдующимъ словомъ:

«Со спокойствіемъ и достоинствомъ встрѣтила наша Великая Матушка-Русь извѣстіе объ объявленіи намъ войны. Убѣжденъ, что съ такимъ же чувством спокойствія, мы доведемъ войну, какая бы она ни была, до конца.

Я здѣсь торжественно заявляю, что не заключу мира до тѣхъ поръ, пока послѣдній непріятельскій воинъ не уйдетъ съ земли нашей.

Къ вамъ, собраннымъ здѣсь представителямъ дорогихъ мнѣ войскъ Гвардіи и Петербургскаго Военнаго Округа и въ вашемъ

лицѣ, обращаюсь ко всей единородной, единодушной, крѣпкой какъ стѣна гранитная, Арміи моей и благославляю ее на трудъ ратный».

Генералъ Дубенскій, исторіографъ Его Величества, въ своихъ запискахъ отмѣтилъ:

«При послѣднихъ словахъ, многіе изъ присутствующихъ, со слезами на глазахъ, опустились на колѣни передъ Вѣнценоснымъ и Державнымъ Вождемъ Россіи. Зала Дворца огласилась мощнымъ и единодушнымъ «УРА»... Раздался гимнъ и вслѣдъ за нимъ началось пѣніе молитвы: «СПАСИ ГОСПОДИ ЛЮДИ ТВОЯ...»

Затѣмъ на площади Зимняго Дворца произошла еще болѣе грандіозная и величественная сцена, участниками которой были русскіе люди, въ несмѣтномъ количествѣ заполнившіе площадь. Я не разъ читалъ и слышалъ объ этой сценѣ. Иногда я думалъ о нѣкоторомъ патріотическомъ преувеличеніи, хотя такая сцена волновала мое русское сердце. Но вотъ, въ этомъ году, Союзъ Ревнителей возстановилъ старые фильмы Императорской Россіи и привелъ ихъ въ современный видъ, переведя на несгораемую пленку. Я увидѣлъ эту знаменитую сцену во всей ее исторической правдѣ и во всемъ ея величіи.

Когда Государь появился на балконѣ Дворца, по разсказамъ очевидцевъ, раздалось несмолкаемое, могучее «УРА», которое смѣнилось гимномъ «БОЖЕ ЦАРЯ ХРАНИ». На экранѣ я увидѣлъ, какъ огромная, многотысячная толпа постепенно опустилась на колѣни и надъ этой молитвенно колѣнопреклоненной толпой, по свидѣтельству генерала Дубенскаго, къ высокому синему небу неслись, до глубины сердца волнующіе, торжественные и прекрасные звуки Національнаго Гимна.

Война вызвала спавшія патріотическія чувства народа, любовь къ Царю и ясное убѣжденіе, что противъ «нѣмца», вся Россія должна итти «съ желѣзомъ въ рукахъ, съ Крестомъ въ сердцѣ», чтобы побѣдить и не смалодушествовать въ борьбѣ. Прекратились мгновенно рабочіе безпорядки, вмѣсто красныхъ

флаговъ надъ головами человѣческихъ массъ колыхались національные флаги; вмѣсто: «Царь-вампиръ изъ тебя тянетъ жилы, Царь-вампиръ пьетъ народную кровь...» улицы столицы слышали звуки и завѣтныя слова: «БОЖЕ ЦАРЯ ХРАНИ».

***

1915-й годъ явился для насъ годомъ военныхъ пораженій и началомъ политической борьбы противъ Государя, въ особенности Государыни, Правительства и монархическаго режима. Волна, всколыхнувшая патріотическія чувства народа и увлекшая за собой на короткое время русскую общественность, не выдержала огромныхъ испытаній и стала спадать.

Русскія войска отступали почти на всемъ фронтѣ. Обнаружился недостатокъ въ снарядахъ и въ артиллеріи, намъ угрожала катастрофа. Къ срединѣ августа мы потеряли всю Польшу, всю Литву, большую часть Бѣлоруссіи и Курляндіи. Врагъ быстро приближался къ границамъ коренной Россіи. Войска всѣхъ родовъ оружія были ослаблены до самой крайней степени. Духъ былъ подорванъ, безостановочное отступленіе совершенно разстроило хозяйственную часть, для всѣхъ стало яснымъ, что отступленіе погубитъ Россію. Въ этотъ трагическій для Родины моментъ Государь рѣшилъ стать во главѣ Арміи.

Актъ Государя встрѣтилъ почти единодушное, страстное осужденіе и противодѣйствіе на верхахъ нашего столичнаго общества. Судили вкось и вкривь господа министры, депутаты Государственной Думы, представители Земствъ и разные общественные дѣятели, почитавшіе себя солью Русской Земли. Рѣзко осуждали Государя и генералы, занимавшіе высокіе мѣста въ Арміи. Одинъ изъ нихъ, бывшій генералъ квартирмейстеръ Ставки, генералъ Ю. Н. Даниловъ писалъ:

«...Разумѣется, не по плечу и не по знаніямъ, ему было непосредственное руководительство войною... Вступленіе въ командованіе всей Арміей Императора Николая II-го было встрѣчено съ недовѣріемъ и унынiемъ. Всѣмъ было хорошо извѣстно,

что Императоръ Николай не обладалъ ни необходимыми знаніями, ни опытомъ, ни волею и что весь его внутренній обликъ мало соотвѣтствовалъ грандіозному масштабу войны...»

Злѣйшій врагъ монархіи П. Н. Милюковъ, въ «Исторіи Русской Революціи» еще болѣе грубо и недостойно напалъ на Государя:

«Распутинъ убѣдилъ Императрицу и Императора, что принятіе командованія въ моментъ, когда врагъ углубился въ предѣлы Имперіи, есть религіозный долгъ Самодержца. Мистическій взглядъ на свое призваніе, поддерживаемый сплотившимся придворнымъ кружкомъ, окончательно парализовалъ всѣ другія вліянія. Отнынѣ, всѣ попытки извнѣ, указать Царю на все возрастающую опасность народнаго недовольства, наталкивались на пассивное сопротивленіе человѣка, подчинившагося чужой волѣ и потерявшаго способность и желаніе прислушиваться къ новымъ доводамъ. Ходили слухи, что это состояніе умственной апатіи поддерживается въ Царѣ употребленіемъ алкоголя» («Исторія Рус. революціи», т. І-й, стр. 28-я).

16-го Іюля 1915-го года военный министръ генералъ Поливановъ, на засѣданіи Совѣта Министровъ, сдѣлалъ нижеслѣдующее заявленіе:

«Считаю своимъ гражданскимъ и служебнымъ долгомъ заявить Совѣту Министровъ, что Отечество — въ ОПАСНОСТИ... На темномъ фонѣ матеріальнаго, численнаго и нравственнаго разстройства арміи есть еще одно явленіе, которое особенно чревато послѣдствіями и о которомъ нельзя умалчивать. Въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго наблюдается растущая растерянность. Она тоже охватывается убійственной психологіей отступленія и готовится къ отходу вглубь страны, на новое мѣсто. Назадъ, назадъ, назадъ — только и слышно оттуда...»

Тотъ же генералъ Поливановъ, на такомъ же засѣданіи Совѣта Министровъ, 6-го Августа, сказалъ:

«Какъ ни ужасно то, что происходитъ на фронтѣ, есть еще одно, гораздо болѣе страшное событіе, которое угрожаетъ

Россіи: я сознательно нарушу служебную тайну и данное мною слово, до времени, молчать. Я обязанъ предупредить Правительство, что сегодня утромъ, на докладѣ, Его Величество объявилъ мнѣ о принятомъ имъ рѣшеніи устранить Великаго Князя и лично вступить въ Верховное Командованіе».

Заявленіе Поливанова подняло бурю среди засѣдающихъ господъ министровъ. Вспыхнулъ хаосъ безпорядочныхъ, страстныхъ сужденій. Почти не сдерживая свои чувства и не подыскивая осторожныхъ, дипломатическихъ выраженій и словъ, соотвѣтствующихъ высокому мѣсту и положенію, — министры несдержанно осуждали принятое Государемъ рѣшеніе. Изъ хаотическихъ высказываній слѣдовалъ одинъ боевой кличъ: «Надо всѣми мѣрами противодѣйствовать рѣшенію Государя...» Только престарѣлый Предсѣдатель Совѣта министровъ Иванъ Логгиновичъ Горемыкинъ былъ твердъ и безкомпромиссно преданъ Царю и не считалъ возможнымъ критиковать дѣйствія Государя.

Поливановъ, въ качествѣ Военнаго Министра, значитъ спеца военнаго дѣла ,не то сознательно, не то безсознательно, но въ обоихъ случаяхъ одинаково легкомысленно, предрекалъ наши дальнѣйшія неудачи, возбуждалъ паническое настроеніе и каркалъ, какъ воронъ:

«Трудно надѣяться на пріостановку побѣднаго шествія нѣмцевъ. Подумать жутко, какое впечатлѣніе произведетъ на Москву, если Государю Императору пришлось бы отъ своего имени отдать приказъ объ эвакуаціи Петрограда, или, не дай Богъ, Москвы...»

Самый умный, волевой и авторитетный изъ министровъ, Александръ Васильевичъ Кривошеинъ, высказалъ свои мысли въ формѣ патріотической тревоги:

«Я давно подозрѣвалъ возможность заявленія Государемъ желанія стать во главѣ Арміи. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ его душевному складу и мистическому пониманію своего царскаго призванія. Я совершенно согласенъ съ тѣми моими сочленами, которые говорятъ о немедленной необходимости отговорить Го-

Императоръ Николай II и Великія Княжны
Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна

ИСТОРІЯ ЭТОГО СНИМКА НИЖЕСЛѢДУЮЩАЯ:

Государь провелъ однажды день у Городского Головы города Евпаторіи, С. Дувана (16-го Мая 1916 г.) и, гуляя съ Наслѣдникомъ по парку, вышелъ изъ предѣловъ имѣнія на берегъ моря, чего охрана Государя не замѣтила. Когда-же замѣтили отстутствіе Царскихъ Особъ, то начали искать ихъ и, въ концѣ концовъ, нашли сидящими у ограды имѣнія, Наслѣдника, снявшаго ботинки и зарывшаго ноги въ песокъ.

На выраженное С. Дуваномъ безпокойство относительно безопасности Императора, Государь отвѣтилъ: «Когда я въ гостяхъ у Караимовъ, я нахожусь въ полной безопасности».

Караимы, какъ Вамъ извѣстно, являются остатками когда-то могущественныхъ Хозаровъ. Они были необычайно преданы Престолу. Государь имъ покровительствовалъ, стараясь охранить это племя, всецѣло довѣрялъ имъ и любилъ бывать въ обществѣ караимовъ.

сударя. Ставятся ребромъ судьбы Россіи и всего міра. Надо протестовать, умалять, настаивать, просить, — словомъ использовать всѣ доступные намъ способы удержать Его Величество отъ безповоротнаго шага...»

Чего убоялись министры? Почему они возстали противъ царскаго рѣшенія? Почему поднялась такая буря въ обѣихъ столицахъ, въ Думѣ, въ Земствѣ, въ парламентскихъ и партійныхъ кругахъ? Почему мужественная готовность Царя взять въ свои руки судьбы войны въ моментъ величайшгао напряженія, встрѣтила такое противодѣйствіе и нареканія?..

Отвѣтъ на эти кричащіе вопросы можно сдѣлать легче, если принять во вниманіе всю сложную и напряженную совокупность политической борьбы, которую русская общественность и подполье начали противъ Государя съ первыхъ дней его царствованія. Для успѣшности этой борьбы надо было употребить самыя сильныя средства: клевету, ложь и сплетню. Надо было развѣнчать, высмѣять, унизить и опорочить личность Государя; надо было лишить его духовно-нравственнаго величія, царскаго ореола, глубины и широты его умственныхъ способностей; надо было снизить Помазанника Божія, монарха величайшей Имперіи, до сравненія съ личностью, ничѣмъ не замѣчательнаго, самаго зауряднаго армейскаго офицера. Они въ этомъ преуспѣли.

Упомянутый мною раньше, генералъ Юрій Даниловъ, одинъ изъ вліятельныхъ представителей генеральнаго штаба, въ своихъ запискахъ далъ оцѣнку личности Государя, которая можетъ служить иллюстраціей къ вышесказанному:

«Въ общемъ, Государь былъ человѣкомъ средняго масштаба, котораго несомнѣнно должны были тяготить государственныя дѣла и тѣ сложныя событія, которыми полно было его царствованіе. Вступленіе въ командованіе всей Арміей Императора Николая II-го было встрѣчено съ недовѣріемъ и уныніемъ...»

Клеветническое, лживое и порочное представленіе о Царѣ вошло въ плоть и въ кровь русскаго прогрессивнаго общества. Для другого отношенія къ нему, — уже не было мѣста. Мисти-

ческое значеніе Государя въ русской жизни, не говоря объ его дѣятельности на благо Россіи, не только не понималось и не цѣнилось, но о ней говорили съ насмѣшкой, съ яростью и съ какимъ-то утробнымъ злопыхательствомъ. Утвердилось ходячее мнѣніе, что каждый образованный человѣкъ можетъ править государствомъ не хуже Николая II-го. Отсюда сниженіе личности Царя до уровня обыкновеннаго человѣка. Никакой мистики, никакихъ помазанниковъ, все обыденно, просто и по домашнему затрапезно...

Министры довели атаку до конца. Восемь изъ нихъ подали Государю коллективное заявленіе: «...Находясь въ такихъ условіяхъ, мы теряемъ вѣру въ возможность съ сознаніемъ пользы служить Вамъ и Родинѣ...» Въ томъ же заявленіи они высказали Государю свое отрицательное отношеніе къ И. Л. Горемыкину: «Воочію сказалось коренное разногласіе между предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и нами въ оцѣнкѣ происходящихъ внутри страны событій и въ установленіи образа дѣйствій Правительства».

А онъ, одинокій (къ нему примкнулъ только министръ юстиціи Хвостовъ), стоялъ надъ этимъ потревоженнымъ человѣческимъ муравейникомъ, крѣпкій духовно, какъ дубъ. «Отъ своего пониманія долга служенія своему Царю — Помазаннику Божіему, — я отступить не могу. Поздно мнѣ на порогѣ могилы мѣнять свои убѣжденія...»

Государь остался непреклоненъ. 23-го Августа онъ вступилъ въ командованіе вооруженными силами Россіи. Ставка, по этому случаю, подготовила куцый, сухой, безцвѣтный и безжизненный приказъ Арміи и Флоту:

«Сего числа, я принялъ на себя предводительствованіе всѣми сухопутными и морскими силами, находящимися на театрѣ военныхъ дѣйствій».

Государь, надо думать, почувствовалъ сѣрость, холодъ и дряблую вялость этого историческаго приказа. Онъ собственноручно приписалъ въ концѣ его:

«Съ твердою вѣрою въ милость Божію и съ непоколебимою увѣренностью въ побѣдѣ, будемъ исполнять нашъ святой долгъ защиты Родины до конца и не посрамимъ Земли Русской».

Такъ закончился безпримѣрный въ исторіи русской бюрократіи эпизодъ противленія министровъ Царю. Въ запискахъ А. Н. Яхонтова, — помощника управляющаго дѣлами Совѣта Министровъ, — есть описаніе, какъ расходились министры, послѣ принятаго рѣшенія:

— Сазоновъ, выходя изъ засѣданія, не захотѣлъ подать руки Горемыкину, и закричалъ: «Il est fou, ce vieillard», а Поливановъ обливался желчью и готовъ былъ кусаться...

Мрачныя предвидѣнія господъ военныхъ и штатскихъ разлетѣлись какъ дымъ. Ставка, готовившаяся къ переходу вглубь Россіи, осталась на мѣстѣ. Отступленіе войскъ, носившее иногда паническій характеръ было прекращено. Огромная операція нѣмцевъ подъ Молодечно потерпѣла фіаско. Русскія войска взяли нѣсколько десятковъ тысячъ плѣнныхъ. Утерянный воинскій духъ началъ быстро возстанавливаться. Произошелъ несомнѣнный переломный моментъ.

Генералъ-лейтенантъ Лохвицкій, говоря о вступленіи Государя въ командованіе, отмѣтилъ:

«Государь, давшій столько доказательствъ тому, насколько Онъ любилъ, зналъ и понималъ Армію, именно въ эти тяжелыя минуты вступилъ въ Верховное Главнокомандованіе. И случилось почти чудо. Отступленіе остановилось. Постепенно начали подходить укомплектованія. Пополнилась матеріальная часть. А, главное, возстановилось взаимное довѣріе между крупными штабами и войсками...»

Начался славный для насъ 1916-й годъ. Четыре арміи Юго-Западнаго фронта готовились къ весеннему наступленію. Оно разыгралось потомъ на фронтѣ отъ Полѣсья до румынской границы; оно показало нашимъ врагамъ могущество и силу рус-

скаго оружія. Волна наступленія докатилась до Карпатскихъ переваловъ, прошла по румынскимъ долинамъ, гдѣ когда-то гуляли суворовскіе орлы, и достигла устьевъ великаго Дуная.

Въ Апрѣлѣ, передъ началомъ наступленія, Государь произвелъ смотръ войскамъ 9-й арміи генерала Лечицкаго. На обширномъ полѣ, неподалеку отъ Хотина, собралась пѣхота, кавалерія и артиллерія — огромная масса войскъ. Вверху проносились эскадрильи авіоновъ.

Въ первый разъ я увидѣлъ моего Царя на разстояніи трехъ-четырехъ шаговъ отъ себя. Я помню это радостное, свѣтлое видѣніе до сихъ поръ. Я почувствовалъ душевный трепетъ въ тотъ моментъ, когда, на далекомъ правомъ фасѣ построенныхъ войскъ, заиграли оркестры и загремѣло несмолкаемое, безконечное, возбуждающее «УРА». Этотъ крикъ многихъ десятковъ тысячъ людей заставлялъ дрожать воздухъ, но онъ также заставлялъ дрожать и все внутри человѣка.

Государь ѣхалъ на бѣлой лошади. За нимъ слѣдовала большая генеральская свита. Тысячи глазъ были устремлены на Него и каждый чувствовалъ, что онъ поймалъ, замѣтилъ, отвѣтный, ласковый взглядъ Царя. Если бы генералъ Даниловъ увидѣлъ эту любовную встрѣчу Царя съ войсками, онъ, можетъ быть, оставаясь объективнымъ и честнымъ, не написалъ бы того, что онъ написалъ.

Когда потомъ я посмотрѣлъ на моихъ офицеровъ, я увидѣлъ на глазахъ сверкающія слезы. Тутъ было все: восторгъ, умиленіе, радость и готовность совершить какой-то большой, исключиелтьный подвигъ для Него и за Него, Царя Россіи. Было въ это время какое-то преображеніе чувствъ. Съ горячей жалостью мы смотрѣли на усталое, блѣдное лицо Государя съ темными кругами у глазъ.

Нашъ долгъ мы выполнили честно: черезъ полтора мѣсяца, одинъ за однимъ, пали смертью храбрыхъ два моихъ офицера, а вслѣдъ за ними выбылъ и я: нѣмецкая пуля прострѣлила мою голову. Слава Богу, что и мы прошли по полямъ чести...

Наступленіе войскъ Юго-Западнаго фронта кончилось занятіемъ Галиціи, Буковины, Карпатскихъ горъ и выходомъ въ Венгерскую долину. Австрія была смертельна ранена; она уже не смогла больше оправиться. Положеніе Германіи стало угрожающимъ и безнадежнымъ. Наша побѣда приблизилась къ намъ вплотную. Зимой 1916-го года Людендорфъ писалъ:

«Войска истощаются. Мы наканунѣ катастрофы. Наше положеніе исключительно трудное и не видно выхода... Если эта война продолжится — пораженіе наше неизбѣжно. Насъ можетъ спасти только чудо...»

Въ такомъ же безнадежно-песимистическомъ тонѣ писалъ и Главнокомандующій германскими войсками фельдмаршалъ Гинденбургъ:

«Весною 1917-го года я могъ бы принять только одно рѣшеніе: оборону на всѣхъ фронтахъ, въ надеждѣ, что какое-либо большое непредвидѣнное событіе, вдругъ внезапно измѣнитъ безвыходное положеніе...»

Это чудо произошло. Когда закончилось побѣдоносное русское наступленіе, продолжавшееся три мѣсяца, профессоръ Павелъ Милюковъ произнесъ въ Государственной Думѣ, 1-го Ноября, рѣчь, положившую начало конца. Использовавъ злостныя, провокаціонныя сплетни, Милюковъ бросилъ тяжкое обвиненіе въ государственной измѣнѣ Правительству и Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ. Свою рѣчь онъ прикрылъ пафосомъ патріотической тревоги за судьбы Отечества. Три слова облетѣли всѣ уголки Россіи и достигли до окоповъ: «ГЛУПОСТЬ ИЛИ ИЗМѢНА!».

Въ книгѣ академика Г. Е. Рейна «Изъ пережитого», есть строчки, посвященныя этой безумной, легкомысленой и преступной рѣчи:

«Впослѣдствіи самъ П. Н. Милюковъ сознавался, что его цѣлью было, главнымъ образомъ, подчеркнуть **«глупость»,** а **«измѣна»** стояла на второмъ планѣ. Но именно это роковое слово отозвалось въ арміи. Развѣ стоитъ терпѣть невыразимыя лише-

нія и подставлять свой лобъ подъ пули, если въ высшемъ Правительствѣ проявляются измѣннические замыслы? Для многихъ, сидѣвшихъ въ окопахъ, обличительный выкрикъ Милюкова былъ какъ бы приказомъ номеръ «предпервый»...» «Самъ ораторъ и его единомышленники, бросая тяжелымъ камнемъ въ «ненавистное самодержавіе» и подрывая престижъ Престола, не сознавали въ своемъ политическомъ ослѣпленіи, что тотъ-же камень можетъ убить и великую страну, истощенную и обезкровленную затянувшеюся безпримѣрною войною...» (томъ 2-й, стр. 135-я).

Вспыхнувшая революція погубила насъ и сбросила Россію съ вѣсовъ исторіи. Въ запискахъ Черчилля есть краснорѣчивое свидѣтельство:

«Ни къ одной націи Рокъ не былъ такъ безпощаденъ, какъ къ Россіи. Ея корабль пошелъ ко дну, когда гавань была на виду; она уже претерпѣла бурю, когда наступила гибель. Всѣ жертвы были принесены, работа была закончена. Отчаяніе и ИЗМѢНА овладѣли властью въ тотъ моментъ, когда задача была уже выполнена...»

Русская общественность неистово вопила на всѣхъ перекресткахъ, въ Думѣ, на земскихъ собраніяхъ и въ печати, что она борется съ Царемъ и Его бездарнымъ правительствомъ во имя русской побѣды.

Что это было? Ошибка, ложь, наивность, или, говоря словами Павла Милюкова: «Глупость или измѣна?». Я думаю, что тутъ было всего понемногу.

Есть множество неоспоримыхъ свидѣтельствъ о томъ, что наша прогрессивная интеллигенція меньше всего помышляла о царской побѣдѣ надъ врагами. Стремясь къ политической власти («хоть день, да мой» — слова Милюкова), она боялась этой царской побѣды. Она хорошо отдавала себѣ отчетъ въ томъ, что побѣда Царя будетъ ихъ пораженіемъ.

Я приведу одно изъ заявленій, которое принадлежитъ «златоусту» русской революціи, тому человѣку, который сыгралъ въ исторіи Россіи роковую роль.

Въ книгѣ Н. Карабчевскаго «Что глаза мои видѣли», есть описаніе общаго собранія петербургскихъ адвокатовъ, состоявшагося въ концѣ 16-го года. Предсѣдательствовалъ сам Карабчевскій. Когда въ залѣ появился Керенскій и его единомышленники, Карабчевскій сразу замѣтилъ «что приходъ его — предвѣстникъ момента, когда мирное общее собраніе превратится въ бурный политическій митингъ»...

Послѣ того, какъ рѣчь одного изъ единомышленниковъ Керенскаго вызвала крики «долой», Александръ Федоровичъ, какъ ужаленный вскочилъ съ мѣста и стремительно продвинулся къ столу президіума. Онъ былъ блѣденъ и настоятельно требовалъ слова «къ порядку дня». Слово ему было предоставлено.

«Врагъ у воротъ, — началъ Керенскій и сталъ нервно, истерично повторять то, что уже много разъ онъ пытался говорить въ Думѣ... — Насѣдающаго внѣшняго врага мы можемъ побѣдить, только расправившись съ нашимъ внутреннимъ врагомъ, собственнымъ правительствомъ, помышляющемъ лишь о предательствѣ и униженіи Россіи».

Рѣчь Керенскаго была покрыта громоноснымъ рукоплесканіемъ всего собранія. «Положеніе мое, — пишетъ Карабчевскій, — среди заволновавшагося многолюднаго собранія, было не изъ легкихъ. Я началъ съ комплимента по адресу «трудовика», который, внѣ судебъ рабочаго класса, наконецъ обезпокоенъ судьбою всей Россіи и согрѣтъ самыми горячими патріотическими чувствами. Чувства эти заставляютъ его видѣть неминуемую опасность тамъ, гдѣ пока еще ея, слава Богу, — нѣтъ, и не позволяютъ провидѣть большую опасность, можетъ быть, гибель Россіи отъ той революціи, къ которой онъ такъ властно призываетъ насъ во время войны...»

Во время горячаго спора Керенскій крикнулъ: «**Поймите, наконецъ, что революція можетъ удасться только сейчасъ во время войны, когда народъ вооруженъ и моментъ можетъ быть упущенъ НАВСЕГДА!**»

Мечта русской политической интеллигенціи и иностранныхъ враговъ сбылась. Спасеніе, котораго такъ напряженно ждали нѣмецкіе генералы въ видѣ чуда, стало совершившимся фактомъ. 2-го Марта 1917 года Государь отрекся отъ Престола. Онъ былъ къ этому вынужденъ. Пала монархія, палъ Тронъ и покатилась несчастная Россія въ пучину апокалипсическихъ бѣдъ, въ бездну большевистскаго ада, въ которомъ она пребываетъ и по сей день. Сбылось непоправимое...

Врагъ шепталъ: развѣй да растопчи.
Ты отдай казну свою богатымъ,
Власть — холопамъ, силу — супостатамъ,
Смердамъ — честь, измѣнникамъ — ключи...

А на безпредѣльныхъ просторахъ русской и чужой земли остались несчитанныя могилы героевъ, отдавшихъ жизни свои за Отечество.

Сколько горя и слезъ, сколько въ сердцѣ печали
Пробуждаетъ война.
Кровь и стоны вездѣ, разоренныя дали
И безсчетныхъ могилъ тишина...

(Кн. Касаткинъ Ростовскій).

Ихъ жизнь, кровь и страданія были принесены, отданы за высокіе идеалы, значеніе которыхъ никогда не померкнетъ въ русскомъ сердцѣ. Только рабъ лукавый и невѣрный можетъ думать, что Родина пустое мѣсто, что Родина тамъ, гдѣ хорошо живется.

Война оставила огромное количество искалѣченныхъ жертвъ. Часть раненыхъ воиновъ инвалидовъ пребываетъ въ изгнаніи и тихо, покорно и безропотно несетъ свой крестъ. Въ день 50-лѣтія 1-й Міровой войны о нихъ надо вспомнить и отъ всего сердца имъ надо помочь.

⁂

Въ 11 часовъ утра, 8-го Марта, въ большомъ залѣ засѣданій Могилевскаго суда собрались чины Ставки: генералы, штабъ и оберъ-офицеры и нижніе чины. Собрались, чтобы проститься съ отъѣзжающимъ Государемъ. Онъ вошелъ къ нимъ, одѣтый въ сѣрую кубанскую черкеску; на груди бѣлѣлъ Георгіевскій крестъ; въ рукахъ держалъ казачью папаху съ бараньимъ мѣхомъ. Онъ пришелъ сказать «послѣднее прости». Сказать то, что вырывается само изъ души передъ разлукой, быть можетъ, навсегда. Слова прозвучали печально и скорбно. Это не была трафаретная рѣчь, да и не способенъ онъ былъ говорить слова пустыя, формальныя и ненужныя.

Вспоминая объ этомъ послѣднемъ прощаніи, послѣ котораго никто уже больше его не увидѣлъ, генералъ Николай Михайловичъ Тихменевъ отмѣтилъ съ огромнымъ душевнымъ волненіемъ: «Это былъ страдающій человѣкъ. Но, раньше всего и больше всего и прежде всего, — это былъ полный царственнаго величія Императоръ Всероссійскій. Ибо не за себя страдалъ Онъ тогда, а за насъ и черезъ насъ, за армію и Россію. Быть можетъ, единственный Онъ видѣлъ, на краю какой гибели стояла тогда Россія...»

Наружно Государь былъ спокоенъ; по крайней мѣрѣ, такъ многимъ казалось по началу. Только дрожала правая, опущенная рука и все чаще и чаще онъ разглаживалъ усы привычнымъ жестомъ. Объ этихъ минутахъ скрытаго душевнаго волненія Государь записалъ въ своемъ дневникѣ: «...Сердце у меня чуть не разорвалось...» Говорилъ онъ громко, отчетливо, чтобы слышно и понятно было всѣмъ. Голосъ его звучалъ задушевно и красиво. Послѣдняя рѣчь русскаго Царя къ своимъ подданнымъ: «Сегодня я вижу васъ въ послѣдній разъ. Такова воля Божія и слѣдствіе моего рѣшенія». Этими словами онъ началъ свое обращеніе.

Онъ не рисовался. Поза, игра, рисовка — ему были несвойственны. Душа его была обнажена; она горѣла, какъ чистая свѣча въ полутемномъ вечернемъ храмѣ, возбуждая и умиляя душу. Въ его словахъ звучала нѣжнѣйшая любовь къ Родинѣ,

все поглощающая. жертвенная до самозабвенія, до готовности все отдать за нее, даже самую жизнь.

«...Судьба Отечества ввѣрена нынѣ Временному Правительству. Служите ему вѣрой и правдой. Эта небывалая война должна быть доведена до конца, до полной побѣды. Надо сломить коварнаго, жестокаго и упорнаго врага. Онъ уже надломленъ. Много пролито крови, много сдѣлано усилій, чтобы побѣдить. Величіе и благоденствіе Россіи обязываетъ всѣхъ сдѣлать послѣднее усиліе. Кто думаетъ сейчасъ о мирѣ, кто желаетъ купить его цѣною уступокъ, цѣною позора и безчестія, тотъ не сынъ Россіи, тотъ измѣнникъ и предатель... Я твердо вѣрю, что не угасла въ вашихъ сердцахъ безпредѣльная любовь къ Родинѣ. Пусть Васъ ведетъ къ побѣдѣ Георгій Побѣдоносецъ. А о себѣ скажу словами моего великаго предка: «Мнѣ ничего не надо, лишь бы, въ славѣ и благоденствіи жила Матушка Россія»...

Послышалось въ его словахъ рыданіе. «...Правая рука его уже не дрожала, а какъ-то дергалась, — разсказывалъ потомъ Тихменевъ. — Въ залѣ была мертвая тишина. Никто не кашлянулъ и всѣ, упорно и точно, не мигая, смотрѣли на Государя. Никогда въ жизни не наблюдалъ я такой глубокой, такой полной, давящей, такой мертвой тишины въ помѣщеніи, гдѣ было собрано нѣсколько сотъ человѣкъ.

Государь началъ обходъ. Въ разныхъ мѣстахъ стали раздаваться судорожныя всхлыпыванія и глухія рыданія. У многихъ по щекамъ текли слезы, которыхъ никто не скрывалъ и не стыдился. Все больше и больше наростало душевное возбужденіе. Государь пытался улыбаться, но улыбка не выходила. На глазахъ у него стояли слезы. Вотъ онъ подошелъ къ офицерамъ Георгіевскаго батальона; вдругъ двое изъ нихъ зашатались и упали въ обморокъ. Въ ту же минуту рухнулъ кубанскій казакъ-конвоецъ. Въ залѣ начались картины душу-раздирающія. Тщетно, кто-то просилъ: «Господа, пощадите Государя, не волнуйте его»... Но уже никто не воленъ былъ въ своихъ чувствахъ. Государь не выдержалъ и весь въ слезахъ быстро вышелъ вонъ

изъ помѣщенія, поцѣловавъ на ходу, подбѣжавшаго къ нему Алексѣева.

Надо было все пережить, пройти черезъ всѣ испытанія: черезъ стыдъ, позоръ, глумленіе, насмѣшки, издѣвательства и заключеніе. Надо было безъ ропота, терпѣливо подниматься на ту вершину мученичества, на которой жутко чернѣлъ голгофскій крестъ.

С. ПОЗДНЫШЕВЪ.

ДОЛГЪ И ВѢРА

Докладъ, прочитанный А. П. Тучковымъ на собраніи отдѣла Союза Ревнителей Священной Памяти Императора Николая II-го въ Марселѣ, 27-го сентября 1964 года.

Союзъ Ревнителей Священной Памяти Императора Николая II-го, который раскинулся по всѣмъ странамъ Россійскаго разсѣянія (отдѣлы его существуют во Франціи, въ Швейцаріи, въ Даніи, въ Италіи, въ Бельгіи, въ Америкѣ ,въ Австраліи, а духовно его поддерживаютъ, съ нами вознося молитвы Всевышнему, русскіе люди, находящіеся у Гроба Господня), Союзъ Ревнителей не является партійной организаціей, онъ является скорѣе Молитвенно-рыцарскимъ орденомъ, свято оберегающимъ память мученически убіеннаго Государя. Поэтому онъ внѣ политики и долженъ быть выше эмигрантской суеты суетъ. Путь его особенно труденъ и усѣянъ терніями.

Прошло 47 лѣтъ послѣ чернаго Февраля, когда перестала существовать Императорская Россія... Исполнилось 46 лѣтъ, какъ совершилось Екатеринбургское злодѣяніе, во время котораго были умерщевлены Помазанникъ Божій, Государь Императоръ Николай II-й и Его Царственная Семья...

Прошло 44 года съ того дня, когда Бѣлая Армія покинула Русскую землю и большинство изъ насъ оказались внѣ предѣловъ нашей Родины, унеся съ собой лишь безграничную къ ней любовь и твердую вѣру въ ея свѣтлое возрожденіе.

Прошло 42 года съ основанія Союза Ревнителей Священной Памяти Императора Николая II-го...

Основателей Союза никого не осталось въ живыхъ и, кромѣ

нихъ, только за послѣдніе 12 лѣтъ, ушли отъ насъ и спятъ вѣчнымъ сномъ болѣе 200 членовъ Союза.

Тѣмъ не менѣе, Союзъ существуетъ. Онъ живъ и продолжаетъ свое Служеніе памяти мученически убіеннаго Императора и славѣ Императорской Россіи. Онъ это дѣлалъ въ продолженіи болѣе сорока лѣтъ и онъ долженъ продолжать выполнять данные ему завѣты до того времени, когда возродится во Христѣ наша Родина. Тогда это Служеніе и эти Завѣты и, вытекающая изъ нихъ идеологія будутъ особенно цѣнны и необходимы, чтобы помочь Русскому народу стать свободнымъ и счастливымъ подъ сіяющимъ крестомъ Православія.

Союзъ Ревнителей Священной Памяти Императора Николая II-го былъ основанъ въ Декабрѣ 1922 года. Въ прошломъ году предполагалось справить 40-лѣтіе существованія Союза, но по разнымъ причинамъ, въ Парижѣ, это оказалось невозможнымъ.

Только въ Австраліи эта годовщина была отмѣчена торжественнымъ собраніемъ. На своемъ засѣданіи 7-го Декабря, Совѣтъ Союза рѣшилъ отложить собраніе и устроить его въ Парижѣ, если Богъ позволитъ, въ 45-тилѣтнюю годовщину.

Три года пройдутъ быстро, но за три года можетъ произойти много событій и возможно, что нѣкоторыхъ изъ насъ уже не будетъ на этомъ свѣтѣ, такъ какъ мы всѣ подъ Богомъ ходимъ.

Но тѣхъ, которые покинутъ этотъ свѣтъ, замѣнятъ другія лица, также горящія любовью къ свѣтлой памяти мученически убіеннаго Императора и также твердо вѣрящія въ свѣтлое возрожденіе во Христѣ нашей Родины. И эти люди будутъ также идейно продолжать то Служеніе, ради котораго былъ созданъ Союзъ Ревнителей Священной Памяти Императора Николая II-го и также будутъ слѣдовать даннымъ ему завѣтамъ.

Выполнять это Служеніе, однако не такъ легко и нужно много усилій и напряженія, чтобы бороться со всѣми трудностями, которыя встрѣчаются на пути. Но силы берутся изъ

прошлаго и ,если оглянешься назадъ, то можно быть спокойнымъ за будущее Союза Ревнителей. Мы твердо вѣримъ, что Союзъ Ревнителей донесет свою свѣчу до того времени, когда, если не мы, то наши преемники смогутъ, уже на нашей Родинѣ, громко говорить и распространять великую правду о Россiйской Имперiи и объ ея Царѣ-Мученикѣ, на благо будущей великой православной Россiи. И съ этой вѣрой мы будемъ продолжать дѣлать то, что намъ подсказываетъ совѣсть и долгъ.

Союзъ Ревнителей созданъ для Служенiя Памяти мученически вѣнецъ прiявшаго Императора Николая II-го и Его Царственной Семьи. Эта цѣль достигается: въ Парижѣ, гдѣ находится центръ Союза 1) всенародными моленiями-панихидами въ табельные дни, день рожденiя Государя, день Его тезоименитства и въ день народной скорби – Екатеринбургскаго злодѣнiя; 2) собиранiемъ воспоминанiй и реликвiй, относящихся къ Царственной Семьѣ; 3) благотворительностью имени Государя — койка для инвалида, стипендiя малолѣтнему учащемуся; 4) печатанiемъ книгъ и брошюръ, прославляющихъ Память Императора и Его Императорской Россiи и 5) устройствомъ траурныхъ собранiй.

По почину Союза Ревнителей такiя моленiя и собранiя устраиваются во многихъ и многихъ мѣстахъ русскаго разсѣянiя. Этими собранiями Союзъ Ревнителей продолжаетъ служить Памяти почившаго Императора, такъ какъ онѣ являются вѣчевымъ набатнымъ колоколомъ, который будитъ совѣсть русскихъ людей и заставляетъ ихъ чтить священную память Государя.

Служа памяти Государя, Союзъ Ревнителей долженъ бороться съ клеветой и распространенiемъ ложныхъ сведѣнiй, появляющихся въ прессѣ и порочающихъ свѣтлую память Императора Николая II-го и Императорской Россiи.

Зложелатели Императорской Россiи не хотятъ успокоиться. Кромѣ недоброжелателей явныхъ, есть категорiя не менѣе зловредныхъ лицъ — журналистов и писателей, которые пользуются своимъ перомъ, чтобы помѣщать, часто для сенсацiи, въ кни-

гахъ и газетахъ невѣроятныя выдумки, которыя, увы, расходятся среди массы читателей и, съ которыми, хотя это очень трудно, Союзъ Ревнителей борется какъ можетъ: постоянно пишутся опроверженія и протесты въ самые разнообразные журналы и газеты. Такъ, напримѣръ, недавно в газетеѣ «France-Soir» были помѣщены выдержки изъ книги, которая скоро выйдетъ изъ печати, написанной господами Геральдъ и Раденъ; въ ней возмутительно ложно описывается жизнь Государя. Въ газету были посланы протесты, а сейчасъ ведутся переговоры съ нашимъ адвокатомъ по этому дѣлу.

46 лѣтъ тому назадъ совершилось Екатеринбургское злодѣяніе.

46 лѣтъ прошло съ того дня, когда въ подвалѣ Ипатьевскаго дома пролилась кровь Міропомазанника Божія, Императора Николая II-го и Его Царственной Семьи.

Казалось бы, что время — великій врачъ, который притупляетъ боли всяческих душевныхъ ранъ, могло бы притупить въ нашихъ сердцахъ впечатлѣніе того ужаса, которымъ является смерть Всероссійскаго Императора и Его Семьи.

Но время не можетъ загладить воспоминаніе о злодѣяніи, содѣянномъ въ ночь съ 16-го на 17-ое Іюля 1918 года. Наоборотъ, съ каждымъ годомъ великая печаль наша становится все болѣе ощутительной и съ каждымъ годомъ по всѣмъ мѣстамъ русскаго разсѣянія все больше и больше народа приходитъ въ эти страшные дни молиться за Царственныхъ мучениковъ.

Этотъ ужасъ забыть нельзя, тѣмъ болѣе, что всѣ мы вольные или невольные виновники всего, что случилось, такъ какъ мы являемся сынами Русскаго народа и всѣ мы не сумѣли какъ слѣдуетъ служить «За Вѣру, Царя и Отечество». Всѣ мы предстанемъ передъ судомъ исторіи, которая и вынесетъ о насъ свой приговоръ.

46 лѣтъ тому назадъ мученически былъ убіенъ Императоръ Николай II-ой...

Шагъ за шагомъ передъ нами рисуется развитіе этой тра-

гедіи, по глубинѣ и силѣ, не знающей себѣ равной ни въ исторіи, ни въ художественномъ вымыслѣ писателей...

Міропомазаный Царь величайшей въ мірѣ державы, низвергнутый съ высоты величія въ глубину униженія, лишенный не только свободы, но и всѣхъ правъ человѣка, угнетаемый страданіями Семьи, ясно сознающій, какъ съ каждымъ днемъ все тѣснѣе и тѣснѣе смыкается вокругъ него кольцо свирѣпой злобы и звѣрскихъ страстей — съ какимъ христіанскимъ смиреніемъ, съ какой вѣрностью завѣтамъ чести, съ какой непоколебимой вѣрой въ Россію и любовью къ своему заблудшему народу Онъ ждетъ страшной минуты конца, прощая своимъ гонителямъ, молясь за нихъ... И, если ему не довелось, по примѣру благочестивыхъ Московскихъ Царей, принять передъ кончиной схиму, то мученическій вѣнецъ Онъ пріялъ. Въ эти послѣдніе мѣсяцы, недѣли и дни Государь и Его Семья уже при жизни своей поистину стали святыми и, когда проснется совѣсть народная, не будетъ въ сознаніи ея болѣе высокаго образа, чѣмъ образъ великомученика Царя Николая, искупившаго страданіями грѣхи всей Россіи.

Мы знаемъ теперь всѣ подробности убійства. Онѣ ужасны, но есть въ нихъ и то, что у каждаго русскаго человѣка невольно вызываетъ вздохъ облегченія. Мы знаемъ теперь, что Государь былъ убитъ не русской рукой. Его убійство задумано, рѣшено и содѣяно не русскими людьми и имена убійцъ намъ извѣстны... Но и своей вины мы забыть не должны... мы не сумѣли, какъ слѣдуетъ служить «За Вѣру, Царя и Отечество» — мы не сумѣли спасти нашего Царя...

46 лѣтъ тому назадъ свершилось Екатеринбургское злодѣяніе... Я сказалъ, что время не можетъ загладить воспоминаніе того злодѣянія и, что во всемъ мірѣ среди русскихъ въ разсѣяніи сущихъ не утихаетъ, а наоборотъ растетъ великая печаль о содѣяномъ.

Теперь наша задача сдѣлать такъ, чтобы эта печаль — Священная память о мученически убіенномъ Государѣ, горѣла бы

все болѣе и болѣе яркимъ пламенемъ и чтобы перекинулась она туда, на нашу Родину, чтобы и тамъ проснулась народная совѣсть. Когда нибудь сгинетъ богообряческая власть и возсіяетъ надъ Россіей Крестъ Православія, такъ какъ торжество злыхъ силъ вѣчнымъ быть не можетъ...

Царя нѣтъ и мы должны молиться за Него и за грѣхи наши. Молитва за Царя и борьба съ клеветой, оскверняющей Его свѣтлую память, является той дѣятельностью Союза Ревнителей, которая обращена къ прошлому. Но даже и въ этомъ своемъ проявленіи идеологія Союза Ревнителей обращена впередъ, въ будущее.

Мы знаемъ, что монархія есть лучшая власть по соображеніямъ нравственнымъ и практическимъ и мы должны желать ея возстановленія... Но пути Господни неисповѣдимы... и да будетъ воля Его.

Нашъ долгъ теперь, во имя Священной Памяти Царя Мученика, всячески поддерживать вѣру Православную, всячески бороться съ богоборческимъ матеріализмомъ, что возможно только путемъ духовнаго и моральнаго перерожденія.

Наше духовное и моральное перерожденіе должно помочь такому же перерожденію на нашей Родинѣ.

Къ этому мы должны стремиться и, Богъ дастъ, тогда скорѣе придетъ время, когда мы увидимъ памятникъ въ Кремлѣ убіенному Государю и новый храмъ искупленія... озаренный немеркнувшимъ свѣтомъ.

Вотъ нѣсколько словъ о Союзѣ Ревнителей и его идеологіи. Про все это вы, конечно, знаете и слыхали. Но, къ сожалѣнію, память человѣка несовершенна и даже истины нужно часто повторять.

Сказанное забывается — написанное остается. Между тѣмъ, одна изъ задачъ Союза Ревнителей — изданіе книгъ и брошюръ, прославляющихъ память Государя и былую славу Императорской Россіи, выполняется въ очень скромной степени. Если Союзъ Ревнителей какъ-то справляется со своими благотворительными заданіями, то онъ не справляется въ должной мѣрѣ съ изданi-

емъ книгъ и брошюръ для широкаго распространенія, такъ какъ это стоитъ очень дорого.

Въ противовѣсъ пропагандѣ, которую ведутъ враги національной Россіи, Союзъ Ревнителей долженъ во чтобы то ни стало увеличить изданіе своей идеологической литературы и найти необходимыя для этого средства.

Средства Союза Ревнителей получаются отъ членскихъ взносовъ и пожертвованій. Чтобы пополнить кассу Союза и дать ему возможность выполнить возложенныя на него обязанности по Служенію Памяти Государя, въ Парижѣ за эти 4 года было сдѣлано слѣдующее:

Во-первых, былъ устроенъ кинематографическій сеансъ съ показомъ царскаго фильма, который намъ былъ одолженъ и присланъ изъ Америки и за который мы заплатили. Показъ имѣлъ большой моральный и матеріальный успѣхъ.

Во-вторыхъ, по идеи нашего предсѣдателя, генерала Позднышева была устроена лотерея картинъ русскихъ художниковъ съ предварительной выставкой. Она тоже увѣнчалась большимъ успѣхомъ.

Эти двѣ манифестаціи стоили много хлопотъ и трудовъ, но благодаря имъ касса Союза сильно пополнилась, что даетъ намъ первую возможность приступить къ слѣдующей операціи. Недавно Союзу Ревнителей вернули, принадлежащія ему кинематографическія пленки, снятыя въ Россіи до 1914 года и относящіяся къ Царствованію Императора Николая II-го.

Эти пленки нужно наладить, смонтировать, переснять на негорючія пленки и сдѣлать звуковыми. Частично мы уже кое что исполнили и мы надѣемся въ скоромъ времени смочь показать часть фильма во Франціи и заграницей. Показъ этого фильма будетъ огромной пропагандой для Союза Ревнителей и его идеологіи и дастъ ему возможность на заработанныя суммы издавать книги и брошюры и расширить свою дѣятельность Служенія Священной Памяти мученически убіеннаго Государя.

Чтобы закончить мой докладъ, я повторю, что Союзъ Рев-

нителей Священной Памяти Императора Николая II-го существуетъ давно и, что онъ долженъ просуществовать еще много, много лѣтъ... Онъ долженъ донести свою Правду до того времени, когда откроются двери Родины, возрожденной во Христѣ. И тамъ Союзъ Ревнителей долженъ будетъ продолжать свою идеологическую дѣятельность.

Время идетъ и времена мѣняются... Императорская Россія постепенно уходитъ въ исторію... Но настанетъ время будущей Россіи (а не СССР...) и ея величіе можетъ только осуществиться на основѣ вѣры Православной, духовнаго воскресенія Русскаго народа, возстановленія ея святынь и великой Христіанской Правды.

Нынѣ Союзъ Ревнителей долженъ стараться привлекать къ себѣ молодыхъ русскихъ людей, объясняя имъ, что мученически **убіенный Императоръ Николай Александровичъ,** священную память котораго мы чтимъ, **былъ Царемъ-Человѣкомъ той великой духовно-православной морали,** которая является для насъ идеаломъ и **безъ которой не можетъ быть грядущей Святой Великой Россіи.**

ДУШЕВНЫЙ ПОРЫВЪ — ВЕДЕТЪ КЪ ПОБѢДѢ

Если Вы считаете:

1) ...что дѣло, которому служитъ Союзъ Ревнителей Священной Памяти Императора Николая II-го есть дѣйствительно святое дѣло;

2) ...что дѣятельность Союза Ревнителей (не должна быть ограничена никакими сроками, пока Память о Царѣ великомученикѣ и Его Семьи не будетъ защищена отъ клеветы, навѣтовъ и неправды;

3) ...если въ Вашей груди бьется горячее русское сердце, если Вамъ дорога наша тысячелѣтняя исторія;
Вы должны помочь Союзу въ его борьбѣ за Правду.

Вы это можете сдѣлать, вступивъ членомъ въ Союзъ Ревнителей, участвуя въ панихидахъ и общественныхъ собраніяхъ **и внося свои посильныя пожертвованія на святое русское дѣло.**

Генеральный секретарь:

A. TOUTCHKOV,

29, rue du Pavillon, Boulogne-sur-Seine.

ОГЛАВЛЕНІЕ

IMPRIMERIE BERESNIAK
18-20, rue du Faubourg-du-Temple
PARIS-11e

ИЗДАНА ВЪ 1965 ГОДУ